

КАМАЛ САБЫР

**СУМЕРКИ
НАД СТЕПЬЮ**

— РОМАН —

Камал Сабыр

Сумерки над степью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42757348

ISBN 9785449695246

Аннотация

Добро пожаловать в бескрайние степи Казахстана, где в воздухе витает аромат полыни, а суровые ветра обдувают случайных путников. Вместе с молодым казахским воином окунитесь в хитросплетения степной дипломатии XVII века. Взгляните по новому на современную историю степи, через историю журналиста, попавшего в сеть интриг коррумпированных региональных элит. В Великой степи всегда есть место отваге, мужеству и самопожертвованию. Но все это отходит на второй план, когда над степями сгущаются сумерки...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	33
Глава 3	62
Глава 4	89
Глава 5	116
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Сумерки над степью

Камал Сабыр

Корректор Гулянда Колтубаева

© Камал Сабыр, 2019

ISBN 978-5-4496-9524-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Когда после долгого отсутствия мы возвращаемся в те места, где когда-то жили, мы редко узнаем их. Меняются улицы, меняются здания, и что самое важное, меняются люди. Иногда эти изменения затрагивают облик города и мы не сразу узнаем те дороги, по которым когда-то ходили. Все это можно сказать и про людей. С течением времени люди меняются. Ни один человек не пронесит через жизнь одни и те же мысли, чувства и привычки. Меняются взгляды, идеалы, и вот человек может уже не соглашаться со своим прежним мнением. Поэтому мы не можем говорить, что «знаем кого-либо полностью». Даже сам человек не может знать себя до конца.

Это особенно сильно заметно, если долгое время находишься вдали от человека, а потом, встретив, с трудом узнаешь его. Это как с родным домом, который непостижимым образом изменился за время нашего отсутствия. И начинаешь задаваться вопросом, изменился ли этот город, или это изменился твой собственный взгляд на него. Для нас удивительней всего не сами перемены, а наше осознание того, что мы не заметили их.

Привыкать к чему-то новому всегда сложно. И стоя на родной улице, мы пытаемся найти хоть малейшую деталь, которая напомнила бы нам о прошлом.

Именно так чувствовал себя Максат Есенов, молодой журналист 30 лет, стоя на площадке перед зданием вокзала. Этот город, где он родился и так долго жил, изменился до неузнаваемости, не оставив и следа от города его детства.

Даже эта маленькая привокзальная площадь, встречавшая его, стала какой-то чужой и незнакомой. Там, где раньше стоял памятник Ленину, теперь была пустая площадка и лишь развевался на ветру желто-голубой флаг с улетающим к солнцу беркутом. Это показалось Максату забавным, ведь именно Ленин, а точнее, его двухметровая статуя, были последним воспоминанием об этом городе, затерявшемся в его памяти.

«Ну вот, Одиссей вернулся в Итаку», проговорил самому себе Максат и уверенно зашагал по ступеням привокзальной лестницы вниз, в город, которого он не знал. Вокруг висели многочисленные рекламные плакаты и вывески привокзальных кафе. На крышах пятиэтажек красовались огромные буквы иностранных кампаний.

Для него этот город оставался огромной площадкой двора в панельном доме, где он когда-то жил. Он рос в годы неопределенности, когда неожиданно рухнул старый мир и все его жители оказались в совершенно новом. Он помнил очереди, дикую инфляцию и первые рекламные ролики по телевизору. Простые люди теряли привычную работу и пытались выжить. Кому-то повезло, и он неплохо заработал, кто-то, наоборот, потерял все, включая свою собствен-

ную жизнь. А сверстники Максата тем временем обклеивали стены домов наклейками из дешевых жевательных резинок. И страна в те годы навсегда осталась в его памяти как одна огромная дверь кухни, сверху донизу покрытая наклейками.

Хрущев обещал построить коммунизм к восьмидесятому году, но когда пришло время и ничего так и не изменилось, народ начал искать что-то новое, за что можно было ухватиться. В душах советских граждан проросли первые сомнения в самих устоях «страны Советов». Это было связано еще и с тем, что на смену послевоенному поколению сороковых и пятидесятых, пришло поколение шестидесятников, с детских лет тянувшихся ко всему западному. Многие из тех, кого он знал, не дожили и до двадцати, другие так и не смогли приспособиться к требованиям меняющейся жизни. Свое поколение Максат считал потерянным, они родились в начале 80-х, когда Союз начало трясти. Его поколение не прикнулось ни к тем, кто «делал деньги» в 90-х, ни к тем, кто родился уже во время перестройки. Порой Максату начинало казаться, что про них просто забыли, предоставив самим себе. И они росли, сначала в 80-е, затем и в 90-е. И даже в этом вопросе Максат не знал, к кому себя относить, к «старому» или «новому» поколению.

И все-таки то, что случилось, рано или поздно должно было произойти. Когда народ окончательно потерял веру в идею коммунизма, он начал искать что-то другое. Но не нашел. А оказалось, что кроме этой идеи, государство больше

ничего и не держало и оно рухнуло, поглотив себя.

Этого следовало ожидать.

Если правительство не желает говорить с народом на языке демократии, то народ будет говорить с ним на языке оружия. И это было аксиомой, подтвержденной историей.

Надо сказать, что с падением «железного занавеса» в то, что осталось от страны Советов, начали завозить не только целомудренные сникерсы, но и многочисленные «блага» западной культуры, которые порой даже в сознании советских интеллигентов пробуждали мысли о том, что цензура была не такой уж и плохой вещью.

Впрочем, не сникерсы «убили» культуру советского человека, ибо к тому времени ее уже не было и в помине. Культура советского человека умерла вместе с верой в идеалы марксизма, а на смену ей пришла вера в пресловутую «американскую мечту». В памяти тех, кто жил в то время, живы воспоминания о бастовавших в конце восьмидесятых шахтерах, которые в советское время жили лучше большинства остальных граждан.

Обо всем этом Максат особо не задумывался в те годы, да и спустя много лет это также не особо волновало его. Ему казались бессмысленными размышления о том, что произошло и что «могло бы произойти». Но, в конечном счете, именно его детство предопределило его дальнейшую жизнь.

Общий развал заставил его задуматься о том, что вокруг происходит что-то неправильное. В детстве после школьных

занятий Максат ходил в видеопрокат, где брал все подряд, не особо задумываясь о смысле фильмов. Зная о его увлечениях кинематографом, кто-то из знакомых дал ему почитать один из многочисленных журналов о кино. Его название Максат потом так и не смог вспомнить. В одной из статей критиковался фильм Кополлы «Крестный Отец», который обвиняли в романизации преступности. Автор предрекал, что в будущем отечественный кинематограф захлестнет аналогичная волна фильмов «о мафии». В тот момент для Максата ответ был очевиден – это клевета. В его голове возникла идея написать ответное письмо. К делу он подошел со всей ответственностью: исписал несколько тетрадных страниц, перепечатал их на пишущей машинке и собирался уже было отправлять ответ в редакцию журнала, как перед ним возникла проблема. Ни названия самого журнала, ни того, кто ему дал его почитать, он не помнил. В итоге письмо было отправлено в местную газету, где оно и было напечатано. С этого все и началось, Максату предложили подрабатывать написанием рецензий, отображавших мнение молодежи. После этого он уже и не сомневался в том, что станет журналистом.

Максат зашагал вниз по привокзальной площади, там чуть поодаль, насколько он помнил, находилась остановка. Садиться в такси, стоящие прямо у центрального входа в вокзал, он не собирался, так как знал, что те обычно завышают цены. Он рассчитывал поймать такси, отойдя от вок-

зала.

С такими размышлениями Максат подошел к одному из припаркованных у остановки такси. Он заглянул в салон – водитель дремал, откинувшись назад. Максат оглянувшись в поисках другого авто, но остановка была пуста, а ловить частника что-то не хотелось. Максат постучал в окно, потом открыл дверь:

– Такси? Свободен?

Водитель вздрогнул и проснувшись оглядел Максата затуманенным взглядом.

– Да, конечно! – поспешно закивал он.

Максат сел на переднее сиденье и назвал адрес. Через минуту автомобиль медленно и неторопливо тронулся с места.

Последнее воспоминание Максата о городе было, как это ни странно, связано с винтом самолета, – самого простого «кукурузника», каркас которого загнивал на городском «кладбище самолетов». Это был даже не самолет – ржавая конструкция, которая к тому времени больше напоминала консервную банку с крыльями и пропеллером. В детстве Максат с друзьями любил бродить вокруг самолета, взбираться на него и даже сидеть внутри. Много лет спустя, когда Максат вспоминал те дни, он задумывался над тем, что за самолет это был. «Кукурузником» обычно называли АН-2, из-за того, что его применяли для химической обработки кукурузных полей. А возможно, и из-за его пропеллера, – четырехлопастного винта, напоминавшего хвост кукурузы.

Перед тем как покинуть этот город в прошлый раз, он приехал на то самое «кладбище самолетов», чтобы последний раз взглянуть именно на этот самолет, с которым так или иначе было связано его детство. Максат не сомневался, что в следующий раз, когда он вернется, этого самолета на этом месте уже не будет.

Но что же заставило его приехать назад? Его до сих пор терзали сомнения в оправданности этой поездки. А вернуться его заставили достаточно веские причины.

Некоторое время после окончания вуза он проработал в редакции местной газеты, писал короткие очерки и статьи о жизни города, при этом успевал периодически посылать свои заметки в республиканские журналы. И хотя в тот момент ему казалось, что он получил то, чего хотел, он был отнюдь не намерен всю жизнь работать на столь мелком, как он считал, уровне. Он пытался устроиться в более крупные издательства, и когда ему предложили работу в Алматы, он не раздумывая ни секунды, согласился.

Он не ошибся в том, что долго на одном месте не задержится, это скорее, было связано с его характером. За год, который он провел в Алматы, он успел сменить несколько редакций и нескольких работодателей. Наконец, знакомые прислали ему приглашение на работу в Астану, и он опять, не раздумывая, бросил уже наработанное, чтобы испытать новые возможности, которые поначалу казались призрачными и отталкивающими.

С тех пор прошло более пяти лет, меньше, чем он предполагал, но больше чем могло бы быть, и вот он вернулся назад, в город, с которого для него все и началось. Но не ностальгия двигала им, его целью была работа. Как знать, не ошибся ли он?

Этим вопросом он в последнее время задавался довольно часто, но в любом случае, все мосты назад были сожжены, с предыдущей работы он уволился и занялся целиком и полностью поступившим от знакомых предложением. А предложение было интересным, место постоянного корреспондента в британском издательстве «Daily Life», в качестве обозревателя по Средней Азии. Но, как и всякое предложение, оно было весьма вязким и призрачным, для начала ему надо было собрать подходящий материал, который заслуживал бы доверия и послужил бы отличной рекомендацией.

В голову как-то сама собой пришла мысль о родном городе. За последние годы, когда начался бурный расцвет нефтяного бизнеса и деньги потекли рекой, город претерпел довольно сильные изменения. В том, что они затронули быт людей, он не сомневался, его же задача была именно в том, чтобы понять, насколько сильно он изменился. Идея, которая столь неожиданно пришла ему в голову, до того понравилась Максату, что он улыбнувшись, не раздумывая, принялся собирать необходимые для поездки вещи. А уже через несколько дней после этого он сидел в душном вагоне поезда, мчавшего его назад, в его далекое прошлое.

Такси медленно ехало по улицам города. Максат удивленно всматривался в проносящийся за окном пейзаж. Несмотря на то, что многое успело измениться, он все же мог узнать свой родной город, и на миг ему даже показалось, что затея была не так уж и плоха. Все-таки он дома, рано или поздно он должен был вернуться сюда и вот это произошло.

– Похолодало, – проговорил таксист, – давно не припомню такого прохладного июня, что-то не то творится с природой-матушкой, а?

Максат пожал плечами:

– Да я в городе давно не был, а что не часто у вас тут так?
– Эх, куда там, скажете еще «часто», – водитель засмеялся, – как с мая жарница наступает, так и стоит до августа. А в сентябре тоже, бывает, накрапывает, но холодов чтобы? Нет, такого не бывало. Это в этот раз что-то перепутала природа.

Таксист еще пробурчал что-то, а потом заметно посерьезнел и насупился. Они как раз проезжали мимо очередной заправки, которых в небольшом городке было больше, нежели самих автомобилей.

– Вы цены на бензин видели? – скривил лицо водитель.

Максат промолчал, поняв, в какую сторону клонит таксист, меньше всего ему хотелось выслушивать разговоры о политике, тем более в первый же день своего пребывания. Но таксист, растолковав его молчание по-своему, продолжил речь:

– Во-во, вот и я говорю. Куда уж такие цены взвинченные-то? Во всем мире нефть дешевеет, а у нас цены растут. Это как понимать? Это куда годится!

В доказательство своих слов водитель потряс кулаком в воздухе, при этом машина резко дернулась вправо, и чуть было не слетела с дороги. Таксист, казалось, этого не заметил и Максат быстро заговорил, пытаясь отвлечь его.

– А что тут такого, обычные законы торговли.

– А что торговля! Мне за страну обидно, и за себя конечно. Что за неуважение, я тут тоже не развлечения ради по городу катаюсь, хоть как-то зарабатываю, а при таких ценах, ну это уже слишком я вам скажу!

Он вновь замолчал, по всей видимости, ждал, пока заговорит Максат. Но тот отвернулся в сторону и продолжил смотреть в окно. Пейзаж казался ему особенно родным. Когда они проезжали мимо очередного двора, у Максата неожиданно забилося сердце. Казалось, только вчера он проходил по этим местам, а там за углом находилась его школа, а еще дальше продуктовый магазин.

Впрочем, никакого магазина на том месте уже не было, вместо него возвышалось четырехэтажное стеклянное здание.

– Это что? – удивленно спросил Максат.

Таксист неопределенно махнул рукой.

– Да очередной торговый дом. Говорят, хозяин с Алматы, а что красиво и город краше.

Максат разочарованно покачал головой. Нет, «новый» город ему определенно не нравился, и не столько своими переменами, сколько *отношением* к этим переменам. Слишком снисходительно горожане относились к сносу старых домов и возведению неуютных, стеклянных чудовищ.

Максат вздохнул. Именно этого он и боялся. Он боялся разочароваться в том образе города, который он хранил в своей памяти. И теперь он понял, что его опасения не были напрасными. Но все же, что-то заставило его приехать сюда. Максата не оставляло чувство, что была еще какая-то причина, кроме этой статьи. Он попытался понять, что им двигало. Внутренняя привязанность? Неожиданная ностальгия? Возможно, все вместе?

Но скорее, главной целью была попытка понять самого себя, осознать, насколько сильно он изменился. Что-то вроде подведения итогов на определенном жизненном этапе. Вот и этот этап. Он вернулся к началу, чтобы увидеть со стороны перемены, произошедшие в нем за эти годы. Это для него казалось очень важным.

Мы не часто задумываемся над тем, как изменила нас жизнь, не часто анализируем произошедшее, выносим для себя из жизни какие-то уроки. Максат задумался над тем, с чем это можно было сравнить. На ум пришла аллегория с потоком воды, есть поговорка, что нельзя войти в одну реку дважды. Потому что это будет совсем другая река, вода не стоит на месте, она движется. Также движемся по жизни

и мы, и каждое мгновение мы меняемся.

Не прошло и десяти минут, как такси остановилось во дворе многоэтажного дома. Максат, расплатившись, вышел. Он огляделся вокруг и почти ничего не узнал, изменилось все. Максат помнил старую игровую площадку, сейчас ее уже не было, на том месте красовалась огороженная стоянка для автомобилей. Другим ярким воспоминанием были аккуратные скамейки, которые в его детстве стояли у каждого подъезда, теперь и их не было, а на тех местах, где они раньше стояли, теперь валялся мусор.

Максат поморщился и, подхватив сумку с вещами, направился к пятому подъезду. Раньше здесь жил он, после того, как он уехал к старшему брату в Алматы, тут еще какое-то время жила его сестра, но после того, как она вышла замуж и переехала жить в Костанай, квартира окончательно опустела. Впрочем, пустовала она не долго, одна из дальних родственниц с их разрешения заняла одну из комнат, а две другие сдавала квартирантам.

О своем приезде Максат предупредил заранее, тем более что за неделю до этого сюда приехала дочка его старшего брата, – проходить практику. В городе у них еще оставались родственники, поэтому это было не столь удивительным.

Он вошел в старый, обветшалый подъезд. В воздухе пахло пылью и затхлостью. Максат поднимался по лестнице, полностью погруженный в свои мысли. Первым делом надо составить план дальнейших действий, думал он. Для начала

он хотел связаться с Аскарком, он работал именно в сфере, связанной с поставками нефти. Потом, конечно же, с Балтабаем, тот просил его первым делом, как он приедет, связаться с ним. Вообще-то так и надо было сделать, но Максат твердо решил сначала уладить все дела, связанные с работой, а остальное оставить на потом. Правда, Балтабай, несомненно, обидится.

Он как раз поднялся на третий этаж, оставалось еще два.

Балтабай приходился ему двоюродным братом. Полгода назад он гостил у него в Астане, Максат встретил его тогда как положено, – по-родственному и тот на радостях взял с Максата обещание, что если тот будет проездом в их городе, непременно свяжется с ним.

Максат попытался вспомнить, чем Балтабай занимался, кажется, что-то связанное с автомобилями, то ли торговал, то ли автомастерскую содержал. Впрочем, это было неважно, связаться он с ним непременно свяжется, но только чуть позже, а сперва дело.

Наконец – пятый этаж. Максат подошел к неприглядной железной двери с номером 124 и позвонил в звонок. Раздались шаги и неуверенный голос спросил:

– Кто там?

– Маржан-апа, это я, – он узнал ее по голосу, – это Максат.

Щелкнул замок и дверь открылась. Перед ним стояла пожилая женщина, на ней был одет бесформенный зеленый халат, поверх которого был накинут традиционный казахский

шархат, когда-то черные волосы теперь поседели, а лицо покрылось морщинами, очков она не носила, потому, сощутив глаза, смотрела на Максата.

– Ах, Максат, а ты совсем не изменился, – Маржан-апа улыбнулась, – а я ведь тебя помню совсем маленьким.

Они обнялись.

– Да и вы все также молодо выглядите, – улыбнулся в ответ Максат.

Она рассмеялась.

Максат вошел в довольно просторную прихожую и, положив сумку на пол, принялся разуваться.

– А кто дома?

– Да только я и Барсик.

Поймав удивленный взгляд Максата, она пояснила:

– Это кот мой.

В подтверждение ее слов в прихожую заглянул старый рыжий кот и, лениво потянувшись, уставился своими наглыми зелеными глазами на незваного гостя. Максат с ухмылкой глянув на кота, тихо шепнул «брысь!». А потом, повернувшись к старушке, спросил:

– А остальные? Квартиранты и Жанара?

– Ах, Жанарочка, она сейчас на практике, приходит очень поздно, совсем устает, я говорю, чтобы не перетруждалась, да куда там, – Маржан-апа осуждающе покачала головой.

Максат же, пожав плечами, рассудил:

– Ничего, я в ее возрасте тоже уставал. Они пока молодые,

пока студенты, должны уже привыкать к работе, потом еще труднее будет, пусть уж подготовленными будут.

– Но она совсем устает, – старушка вздохнула, – и зачем только так далеко от дома отправили эту прак... практику проходить?

– Как зачем? – удивился Максат, – она сама хотела в суде, а тут дядя Азамат как раз работает, ему, пока лето, помощники нужны, ну заодно и практика.

Максат, наконец, разулся и теперь оглядывал прихожую.

– Мне в какую комнату?

Маржан-апа захлопотала вокруг и указала на гостиную:

– Туда, она сейчас свободна. Раньше тут семье сдавала, они две комнаты занимали, но потом съехали. Сейчас только одну комнату сдаю, зато хорошему постояльцу. Мирас Мурзаевич, уважаемый человек, – она потрясла в воздухе пальцем, – историк, он в университете преподает. Монографии пишет!

– Что же это ваш историк одну комнатку снимает, – несолидно как-то.

– Так это он временно, у него сын женился и в Казань переехал, там жилье дорого, вот и пришлось ему свою квартиру продать и к деньгам сына добавить, чтобы тот купил себе в Казани квартиру.

– Что же сын взял-то деньги отца? – удивлено спросил Максат.

Маржан-апа вздохнула:

– Времена такие, нравы.

Максат подхватил свою сумку и потащил ее в гостиную.

– Да какие там времена, всегда было так. Это от человека зависит. Да, и кстати, где же Мирас Мурзаевич сейчас?

– Как где? Он сейчас на работе, он же преподает!

– Понятно, – проговорил напоследок Максат и вошел в комнату.

С тех пор как он был здесь в последний раз, комната мало изменилась. В дальнем углу сервант, стол, за которым раньше собирались гости, диван, и старенький ковер на полу. Максат отложил сумку с вещами и, присев, на диван, огляделся. Он заметил несколько ящиков, оттащенных в угол, они находились сбоку от дивана, так что при входе в комнату их заметно не было. Максат, нагнувшись, приоткрыл один из них.

Ящики были забиты книгами, похоже, когда Маржан-апа вычищала его дальнюю комнату от вещей, для того чтобы сдавать ее потом квартирантам, она перенесла их в гостиную. Максат зевнул, от поездки он достаточно сильно устал и его клонило в сон. Он вспомнил своего назойливого соседа по купе и поморщился, тот всю дорогу рассказывал ему о своих проблемах и так вымотал Максата, что он чувствовал себя опустошенным.

В комнату заглянула Маржан-апа:

– Я чайник поставила, пошли пить чай.

Максат помотал головой.

– Нет, нет. Я лучше душ приму и посплю немного, устал с дороги. А чай лучше вечером.

– Ну ладно, – она кивнула и скрылась.

Максат, собравшись с силами, встал с дивана и, раскрыв свою сумку, принялся разбирать вещи. В принципе, с собой он взял только самое необходимое: ноутбук, комплект брюк и пару рубашек, а также предметы первой необходимости.

Максату вспомнил о своем недавнем намерении позвонить Аскару и назначить встречу касательно его работы.

Он включил мобильный телефон, который в поезде ему пришлось выключить (все равно никто дозвониться не мог). Максат уже хотел набрать номер, как ему вспомнилось, что сейчас был разгар рабочего дня, а отвлекать человека от работы было, по меньшей мере, неприлично.

«Ладно, успею еще вечером позвонить», – подумал он и, поднявшись, поплелся в ванную.

После того как он принял душ, Максат в бодром расположении духа вернулся к себе в комнату. Он включил ноутбук и просмотрел наброски своих предыдущих работ. За время, проведенное в городе, он планировал не только написать статью для британского издания, но и закончить свою главную литературную работу. Вот уже почти год он в свободное время писал роман, напрямую связанный с жизнью кочевых казахов XVII века.

Впрочем, сейчас у него было не то настроение. Кратко пробежавшись взглядом по наброскам статьи он, зевнув, вы-

ключил ноутбук и снова прилег на диван.

Старый потолок, который уже нуждался в побелке, внешне навевал на него воспоминания. Он вспомнил, как раньше лежал на этом же диване и думал о тогдашних проблемах. Что двигало им в ту пору?

Ему вспомнился яркий эпизод прошлого, когда он приходил со школьных занятий и, даже не переодеваясь, засыпал. Потом он вспомнил, как также, лежа на этом же диване, мучительно размышлял о том, как сдать сессию, это было на втором курсе, когда у него дошло чуть ли не до войны с одним из преподавателей. И казалось, совсем уж недавним воспоминание о том, как он составлял в этой же комнате свою первую статью для местной газеты.

Максат, улыбнувшись, закрыл глаза. Вот он бежит по городу, напрямик в редакцию. Навстречу несутся люди, позади тормозят озадаченные водители, а он все бежит и бежит...

Проснулся Максат от шипящего звука. В дверь кто-то звонил. Моментально пробудившись, он глянул на часы, – да, похоже, он спал два часа. Максат покачал головой, чтобы окончательно проснуться и поднялся.

Он выглянул в коридор, в который заходил немолодой мужчина, далеко за сорок. На нем был потрепанный костюм и такие же неухоженные брюки, волосы были черные с небольшой проседью, в довершение на лице у него были замысловатые очки, слишком громоздкие и от этого созда-

вавшие ощущение несобранности.

«Это квартирант», – догадался Максат и стал детальнее его изучать. Этот человек создавал у него определенно негативное впечатление. В нем чувствовалась какая-то запущенность, а Максат не любил людей, которые не следили за своим внешним видом. Тем более люди в возрасте, каким был этот преподаватель.

Максат подошел к нему, для того чтобы поздороваться. Тот рассеянно пожал руку и растерянно поглядел на Максата. Тут же подошла Маржан-апа.

– Это племянник мой, Максат, – проговорила она, обращаясь к постояльцу.

Максат поморщился, во-первых, для нее он был вовсе не племянник. Более того, ее саму он и вовсе знал очень плохо, как и всех дальних родственников, коих у них, Есеновых, имелось огромное количество.

– Это Мирас Мурзаевич, он снимает тут комнату, – пояснила она, теперь уже обращаясь к Максату.

– Очень приятно, – проговорил Максат, внимательно приглядываясь к реакции гостя. Но тот повел себя довольно смирно, кивнув, он опустил глаза и побрел в свою комнату.

Максат посмотрел на Маржан-апа.

– Да... – протянул он, – интересный человек.

Максат вернулся к себе в комнату, взяв с собой домашний телефон, он намеревался позвонить Аскару и обговорить подробности предстоящей работы, но у того было занято. То-

гда Максат набрал номер Балтабая. В трубке раздалась гудки ожидания, и уже через секунду он услышал характерный, хрипловатый голос:

– Да?

– Алло, Балтабай? Это я... – он не договорил.

– Максат! Приехал все-таки! – воскликнул Балтабай, – по работе или просто так?

– Да разве просто так сейчас ездят? – пошутил он, – работенка тут одна. Только сегодня приехал, дай, думаю, позвоню.

– Ты где остановился? Давай, ежели что, подтягивайся, я адрес только назову.

Максат не удивился такому приему, это было вполне в духе Балтабая.

– Да я дома, у Маржан-апы сейчас.

– А, понятненько. Давай, я заеду сейчас, я тут местечко одно знаю, посидим, обговорим все...

Следующие несколько минут у Максата ушли на то, чтобы переубедить Балтабая: тот никак не сдавался и порывался немедленно заехать за Максатом. Наконец, Максату с трудом удалось перенести встречу на завтра.

– Хорошо, тогда я завтра к тебе заеду, – проговорил Балтабай. – Кстати, ты сюда на поезде приехал или на колесах?

– Как обычно.

– Вот как раз, у меня тут автосалон, сейчас авто еще на прокат даем. Тебе, конечно, бесплатно, ну, пока в городе

поездишь.

Эта новость Максата приятно удивила.

– Договорились, завтра все обговорим подробнее.

Наконец, попрощавшись, Максат положил трубку. После того, как он немного поспал, ему удалось передохнуть с дороги, теперь настроение у него поднялось, и затея с приездом показалась ему не такой уж и плохой.

Он подумал над будущей статьей. Вообще неплохо было бы составить предварительный план, или хотя бы сделать какие-нибудь черновые наброски. Он уже примерно представлял, в каких тонах будет эта самая статья написана, ну, конечно, с небольшой долей патриотизма, скажем, «успехи молодого Казахстана в процессе интеграции в мировую экономику». Возможно, он возьмет несколько интервью у людей, непосредственно связанных с нефтяным бизнесом, тут он рассчитывал на то, что Аскар сведет его с кем нужно. Потом можно добавить немножечко критики, скажем, «есть куда еще развиваться, социальная сфера хромает, зарплаты и пенсии до уровня европейских стран не дотягивают». Закончить же надо на оптимистической ноте.

Вот такая, образцово-показательная статья, самая стандартная. Максат рассчитывал, скорее, на экзотичность самой тематики, не каждый же день чопорные британцы читают у себя в газетах про Казахстан. Более того, Максат сильно сомневался, что британцы вообще знают о существовании такой страны. Кто-то, несомненно, что-то слышал, смот-

рел недавнюю пошлейшую английскую комедию, или читал на страницах «Times» критику о нарушении прав человека. А кто-то и вовсе будет путать страну с Афганистаном, Пакистаном и т. д. Но в любом случае внимание статья привлечет.

Максат вспомнил о том, что он претендует на роль политического обозревателя непосредственно по Средней Азии. Что ж, можно немножко добавить в статью и про Среднюю Азию. Если тема затрагивает вопросы энергоресурсов, тут можно упомянуть и соседний Туркменистан и Россию, ну и связать это дело с Европой.

Максат приставил стул к окну и присев, выглянул во двор. Несмотря на то, что был вечер, было не так темно и можно было разглядеть фигуры людей и силуэты проезжающих машин. От этого типичного советского двора веяло какой-то серостью и унынием. Максат удивлено отметил, – прошло столько лет, а мы все не можем избавиться от советского бремени. Наверное, это что-то в нас самих, и чтобы это изменить, одних слов не достаточно.

Максат почувствовал что проголодался, но следовало подождать Жанару, прежде чем садиться ужинать.

Жанара пришла через двадцать минут после этого. Она совсем не удивилась, увидев Максата. Впрочем, тут не было ничего необычного, он ведь заранее предупредил брата о дате своего приезда.

Жанара была довольно высокой брюнеткой с плавными чертами лица. Она приходилась Максату племянницей, до-

черью его родного брата. Впрочем, Максат был старше ее всего на десять лет, поэтому в их общении всегда присутствовала определенная доля фамильярности. Ему всегда казалось, что она слишком легко бежит по жизни, даже не задумываясь о многих достаточно важных вещах. Но при этом между ними всегда присутствовало взаимопонимание, основанное на доверии, и определенное взаимоуважение (она всегда трепетно относилась к писательской деятельности Максата).

В коридор выглянула Маржан-апа.

– Ах, Жанарочка, снова уставшая. Максат, ты взгляни, я же говорила, и зачем только такая тяжелая работа...

– Да ладно, – Жанара, которая вовсе не выглядела усталой, весело махнула рукой, – все в полном порядке. Макс, ты как, когда приехал? Как дорога?

– Нормально. Ты лучше скажи, как впечатление о работе? – спросил Максат.

– Хорошо, начинаю вникать в суть многих вещей. Одно дело учить, другое дело – практика. Много нового узнаешь...

– Так твоему отцу и передам, – полушутливо покачал головой Максат.

Они оба засмеялись. Жанара поспрашивала еще о погоде, последних новостях, здоровье, Максат охотно отвечал, попутно интересуясь практикой.

Маржан-апа тем временем неловко засуетилась и, остановившись у дверей кухни, произнесла:

– Тогда я поставлю разогревать. Тем более Максат еще с дороги не ел. А я же говорила, нужно...

Теперь настала очередь Максата махать руками:

– Да нормально все, вот сейчас все вместе и поужинаем.

Он оказался прав, не прошло и получаса, как они все вместе уже сидели за столом. Помимо Жанары и Максата к столу сел и квартирант, Мирас Мурзаевич.

Максат, который довольствовался в поезде только сухой едой, вдоволь наелся. Только кое-как умерив аппетит, он смог перейти к беседе. Впрочем, начал разговор не он, а Мирас Мурзаевич.

– Я забыл вам упомянуть о моей деятельности, – проговорил он тихим голосом. – Я историк, веду лекции в государственном университете.

– Вы профессор? – поинтересовался Максат.

– Нет, я кандидат наук, – он вздохнул. – А Вы чем занимаетесь? Маржан Ахметовна говорила, что Вы журналист?

– Да я работал некоторое время в этой сфере, но пробую себя в разных профессиях. Так что, возможно в будущем буду и лекции с Вами читать, – отшутился Максат.

– А Вы пишете только статьи, или еще что-нибудь?

Тут внезапно заговорила Жанара:

– О, он у нас писатель. Как, Вы не знали? – она улыбнулась, – у него уже выпущена одна книга и сейчас на подходе другая.

– Вот как? – удивился Мирас Мурзаевич.

Максат же мысленно ругался, он не любил говорить на эту тему, а Жанара, как назло, всегда считала своим долгом рассказывать всем о его книгах. Хотя каких еще «книгах», речь шла о книге. Одной, единственной и то, изданной на свои собственные деньги в частной типографии и розданной друзьям и знакомым.

– И о чем же была Ваша книга?

– Ну, я бы не стал говорить, что это была полноценная книга, так, сборник рассказов и повестей, называлась «Противофаза».

Максат попытался закончить разговор, но Жанара не унималась:

– У нас тут дома есть один экземпляр, я сейчас принесу.

Она уже собиралась вставать, но Максат ее опередил:

– Не надо! Потом, после еды принесешь, – он повернулся к квартиранту, – а Вы, могу узнать, каким направлением истории занимаетесь?

Мирас Мурзаевич неуверенно поправил очки и огляделся по сторонам.

– Ну... как бы сказать, вообще моя специализация это история Казахстана. Ну, знаете, кочевой образ жизни. Предки казахов, казахское ханство, джунгарское нашествие, присоединение к России. Но сейчас приходится приспосабливаться и к новым направлениям в той же истории.

– В смысле? – не понял Максат.

– Ну, вот, допустим, ввели предмет «история разви-

тия права в Казахстане». А преподавателей по этому предмету толком и нет. Есть хорошие преподаватели права, но они не историки. Да и вообще, что конкретно преподавать по этому предмету, историю, или само право? Если разобраться, по сути, предмет должен начинаться с советского права и заканчиваться современным правом, но на деле все гораздо сложнее.

Максат заинтересованно сдвинул брови:

– Например?

– Скажем так, – Мирас Мурзаевич поднял глаза к потолку, – предмет этот начинается с древнейших институтов права в Казахстане. Начиная с права, в тюркском каганате и по нарастающей. Вот Вы знаете что-нибудь об этом?

Максат неуверенно протянул:

– Ну, насколько я знаю, кодификация законов предпринималась и в древний период времени. А в казахском ханстве и вовсе писались отдельные своды законов, при хане Есиме, затем при Тауке...

– Да, да, – Мирас Мурзаевич нетерпеливо закивал головой, – но мы говорим не просто о законах, тут речь идет о праве, что подразумевает наличие определенной базы, правовой системы. Конечно, экскурсии в историю необходимы, но это тема для одного-двух занятий, но никак не целого курса.

Максат был с ним не согласен, но спорить не стал. Кандидату наук наверняка виднее, что там правильно, а что нет.

– А что касается свода законов хана Есима, а затем и переработанной версии этих же законов, от его внука хана Тауке, то не следует забывать, какое это было время, – нравоучительным тоном продолжал Мирас Мурзаевич. – Период джунгарских войн, середина семнадцатого века, народу нужна была твердая рука, поэтому все усилия ханов были направлены на упрочнение своих собственных позиций.

– Ой, а ведь дядя Максат как раз пишет про то время книгу! – невинным тоном проговорила Жанара.

Максат хотел было уже возмутиться, с каких пор он вдруг стал «дядей Максатом» и дать Жанаре подзатыльник, но тут он увидел, что она хитро улыбается и ему стало обидно. Нужно было как-то исправлять ситуацию и перевести разговор в другое русло, но было уже поздно, Мирас Мурзаевич удивленно взглянул на него и спросил:

– Вот как? А о чем Ваша новая книга?

– История борьбы казахского народа с внешним врагом. Книга охватывает период 1639—1643 годов.

– Правление Жангир-хана, – нравоучительно сказал Мирас Мурзаевич.

– Да, – неохотно продолжал Максат, – но книга не столько о нем, сколько обо всем народе.

– Интересно, – квартирант улыбнулся.

«Ну вот, теперь он точно не отстанет», – с грустью подумал Максат и оглядел присутствующих. Жанару ситуация, похоже, весьма забавляла, а Маржан-апа восторженно смот-

рела в сторону новоявленного кандидата наук.

– Я вот тоже иногда размышлял над тем, что толкнуло джунгар, таких же кочевников на эти походы? Зачем было бросать свои плодородные земли и идти на Запад? – вслух говорил Мирас Мурзаевич.

Максат хотел возразить, но промолчал. Земля в джунгарском плато была вовсе не плодородной. Он мысленно представил дорогу от степей южного Казахстана, напрямик во владения джунгар. Северо-восточнее солнечных лугов Жетысу открывается огромное горное плато. Там, за скалистыми стенами простирается бескрайняя земля северного Китая. Сухая, почти непригодная для жизни, она приучила людей, живущих на ней, к стойкости...

Глава 2

Северо-восточнее солнечных лугов Жетысу открывается огромное горное плато. Там, за скалистыми стенами простирается бескрайняя земля северного Китая. Сухая, почти непригодная для жизни, она приучила людей живущих на ней к стойкости. Издревле здесь жили племена кочевых ойратов, которые пришли туда с севера Монголии. Они были отличными всадниками и славными воинами, с самого детства ойратский воин учился стрелять из лука, ездить на лошади и сражаться. Закон степи был суров, и племенам ойратов очень быстро пришлось усвоить, что если они хотят выжить, они должны воевать. Набирающая силы Китайская Империя была не таким легким куском добычи, и тогда взор ойратских хунтайши устремился на Запад, на плодородные степи Средней Азии.

Ойраты ворвались в Жетысу под именем джунгар. Они не щадили никого, за ними оставалась только опустошенная степь и сгоревшие остатки кочевых юрт. Мужчин они убивали, а женщин и детей увозили в рабство. Хотя в своей военной дисциплине они старались придерживаться стандартов, введенных еще Чингисханом, их армия была скорее бесформенной массой, по сути, руководили ею бесчисленные вожди ойратских родов, которые, конечно же, слушались военачальника хунтайши.

В середине семнадцатого века, на территории Средней Азии сложилась очень сложная политическая ситуация. На земли казахского ханства претендовали бухарские эмиры. Ситуация осложнялась бесконечным противоборством за ханский престол. Ослабленное межродовыми распрями, молодое ханство было застигнуто врасплох внезапным появлением джунгар. Пожалуй, именно этим можно было объяснить неспособность отразить первую волну разорительных набегов.

Джунгары быстро продвинулись вглубь южных степей Казахстана. Многочисленные казахские султаны никак не могли прийти к согласию, они с безразличием смотрели на то, как джунгары убивают их соседей, не понимая, что очередь дойдет и до них. Казахское ханство в этот период переживало не лучшие времена, смерть хана Есима повлекла смуту. Султаны, ведомые своими корыстными целями, мечтали сами сесть на ханский престол и отказывались признавать единую власть. Старший сын Есима, Жанибек, пытался провести ряд реформ, но не успел. В 1634 году первый поток джунгар ворвался в Жетысу. Их целью был весь Южный и Восточный Казахстан. Орда продвигалась, не останавливаясь ни перед чем. Это больше походило на нашествие саранчи, которая оставляла после себя лишь пустую землю.

Прирожденный тактик младший сын хана Есима, Жангир, возглавил казахское ополчение. И вновь казахские султаны не пришли к единогласному решению. Собранные войска

были столь малочисленны, что битва была обречена на поражение. Но Жангир продумал хитрую тактику, «растянув» армию джунгар. И в 1635 году казахи дали бой первой волне ойратов. По плану Жангира вторая группа казахских воинов должна была ударить в центр джунгарской орды, разбив их армию надвое. К сожалению, так как это всегда бывает в степи, его ждало предательство там, откуда он его меньше всего ждал. Вожди родов не прислали подмогу в самый ответственный момент, и битва была проиграна. Самого Жангира пленили, а выживших казахских сарбазов вырезали.

В этот момент джунгарский хунтайши Баатур встал перед сложной задачей. По его замыслу племена должны были пройти до северных степей. Но битва с казахским ополчением дорого обошлась джунгарам. Из 80 тысяч воинов, вышедших в начале похода, в его армии осталось только 20 тысяч. Конечно, не было и речи о том, чтобы идти дальше. Баатур знал, что казахи уже не смогут собрать армию, разрозненность султанов играла ему на руку, а один из лучших казахских военачальников был у него в плену. И в конце 1635 года ойраты повернули назад. Они возвращались в свою степь с огромной добычей, множеством пленных и награбленным скотом. Хунтайши Баатур не собирался оставлять эти земли, он планировал вернуться сюда вновь, как только соберет соответствующие силы.

Жангир провел у него в плену недолго, через год его выкупили. Но он еще долго не мог претендовать на престол.

Вожди казахских родов предпочли обвинить его в поражении, отвергая любую мысль о своей причастности к этой трагедии.

Плен оставил в душе Жангира отпечаток. Будучи свободолюбивым воином, он возненавидел ойратов. За то время, пока он сидел в клетке в ставке ойратского хунтайши, он успел увидеть те унижения, которым подвергали его соплеменников. Именно тогда он поклялся отомстить, и он посвятил этой клятве всю свою жизнь, до последнего вздоха защищал землю своих предков.

Но не он один был такой. Говоря о военачальниках, мы совсем забываем о простых людях. Их судьба в это тяжелое время была полна страданий. Невозможно описать словами всю боль, охватывавшую людей от бессилия, когда орды ойратских грабителей убивали их родных, выжигали их аулы, а пленных угоняли в рабство.

Джунгары держали рабов в огромной яме, выкопанной в земле и закрытой решетчатой клеткой. Там, внутри, не было никаких условий для жизни. Люди умирали в первые же дни рабства, хотя большая часть пленных погибала еще по дороге. Рабов ойраты продавали в Китай и в Бухару. Выживали лишь самые стойкие, но и их дальнейшая судьба была почти неотличима от бессмысленного существования животных.

В одной из таких холодных и вонючих ям, в самом углу сидел молодой юноша 11—12 лет. В зиндане было тем-

но, но мы можем сказать точно, что на нем были лишь рваные штаны, которые грязными кусками свисали вниз. Его тело было покрыто шрамами и на коже были заметны следы от многочисленных побоев. Он сидел молча и о чем-то думал. В другом конце клетки кто-то стонал, мальчик же был полностью погружен в свои мысли.

Он помнил тот день, когда по степи разнесся топот чужих копыт. Мать готовила баурсаки, он даже сейчас помнил, какой чудесный аромат хлеба разнесся по всей округе. Он любил смотреть за процессом приготовления, иногда он тихо подкрадывался к очагу и пытался утащить из чашки готовые баурсаки. Мать всегда ловила его на этом, но делала вид, что не замечала его ловких проделок. Всю добычу он делил с Сункаром, белым псом породы тазы. Тот с радостью разделял с хозяином трапезу, а потом тыкался своим влажным носом в его ладони.

В тот день все было как обычно, когда слышался далекий топот копыт.

– Кто-то едет? – он посмотрел на мать.

Она была встревожена. Еще бы, отец должен был приехать вместе с другими всадниками только к вечеру. Он было подумал, что это случайный путник, коих было много в степи, но потом понял, что судя по приближающемуся топоту, всадников было много. Он хотел выбежать навстречу, но мать остановила его. Она подхватила его и спрятала в юрте за сундуком, под лежащими одеялами. Сама же она вы-

скочила на улицу.

Он помнил свои чувства и даже мысли, которые проносились в его голове, когда он лежал там. Он не мог представить, что это кто-то чужой. Но, кто? Он помнил, что несколько месяцев назад, к отцу приезжали аксакалы из других родов, они говорили что-то об ойратах. Значит, это были они?

Но вот топот стал ближе и отчетливее. Ему захотелось вылезти наружу, посмотреть, кто же это. А тем более, если это ойраты, то дать им отпор. Негоже казахскому сарбазу, сыну батыра прятаться. Он должен был защищать свою мать и других женщин аула. И он вылез, открыл сундук и вытащил со дна маленький кинжал. Кинжал был его личным, подаренным ему отцом. Отец учил его боевым приемам с мечом и с кинжалом. Теперь он готов был их применить.

Он вздохнул и выбежал наружу. Там он увидел своего отца и других воинов аула. Значит, они вернулись раньше. Он побежал к отцу, и только тут заметил, что лица были у всех взволнованы. Он услышал только край разговора:

– Надо оставить все! У нас нет времени, мы должны успеть укрыться в низовьях реки, – говорил отец.

– Но мы не доберемся туда без продуктов, надо... – в этот момент мать заметила его, – Еламан!

Отец перевел взгляд на него и на руку, сдерживающую кинжал.

– Он поступил правильно, ведь на нашем месте могли оказаться джунгары. Надо собираться.

И они начали собираться. Очень быстро, взяли лишь самое необходимое. Он совсем не понимал, что происходит, но чувствовал, что случилось что-то ужасное. Ему достался Буран, большой, черный жеребец. Собрался весь аул и они стали в спешке уходить. Он изредка поглядывал назад, пытаясь увидеть вдали то, что так взволновало его родителей. Но пока его отец был рядом, он чувствовал себя в безопасности.

Все остальное он помнил как в тумане. Сейчас он понимал, что такого не могло быть, но тогда, ему показалось, что мир поблек, как будто тьма заволокла небо. А вместе с тьмой пришли и они. Один из джунгарских отрядов нагнал их, когда они пересекали реку.

Крики... наверняка были крики, но в тот миг для него исчезли все звуки. Он упал на землю, где на его глазах люди с его аула падали, пронзенные стрелами. Он пытался подняться, найти глазами родителей. Он видел, как его мать бежит к нему, что-то крича, но он ничего не слышал. А потом тьма поглотила и ее.

Он кричал, но его никто не слышал. Он хотел встать и побежать, но не мог. Его тело стало ватным и перестало его слушаться.

Стрелы падали с неба как капли дождя, казалось, не было ни одного места, куда бы они не попали. Люди падали оземь и бились в судорогах. А он лежал под брюхом умирающего Бурана, весь мокрый от его крови.

Несколько всадников окружили его отца. Что-то сверкало в воздухе, поднялась страшная пыль.

Он делал какие-то попытки встать. Чья-то огромная рука схватила его, и подняла в воздух. Тогда-то он впервые и увидел Дракона. Позже лицо этого человека снилось ему по ночам, он всегда приходил за ним, держа в руке огромную саблю. Он всегда был в крови, в перепачканной одежде, и с огненно-красными глазами.

Дракон был человеком, но никто не видел в нем никого, кроме чудовища. Он был огромен, так, что казалось, будто перед вами не один воин, а десяток. У него были ярко выраженные надбровные дуги, которые выдавались вперед. А сросшиеся брови придавали его лицу звериный облик.

Дракон смотрел на Еламана, не отрываясь. Он, казалось, изучал, что-то невидимое для глаз обычного человека. К нему подошел еще один налетчик. По сравнению с чудовищем он был совсем маленьким, хотя на самом деле он был самого обычного роста. Еламан не понимал, о чем они говорили, но если бы он знал джунгарский язык, то диалог был бы примерно следующим:

- Я его убью, – проговорил, вернее, прорычал Дракон.
 - Не надо, он молод, и у него еще есть силы для работы, – сказал второй убийца.
 - Он волчонок, ты посмотри ему в глаза. Он будет мстить.
 - Нет, Жаугаш, не думаю, что он выживет к тому времени.
- Тем более, что я не вижу в нем никакой угрозы.

– Хорошо, – Дракон отпустил руку и Еламан упал вниз, на землю.

– Надо торопиться, пускай загрузят добычу. Мы отстаем. Дракон ничего не ответил и сел на своего коня. К тому времени ко второму джунгарину, который решал судьбу Еламана, подъехал один его из воинов.

– Мы потеряли четверых.

Но тот, кому предназначались эти слова, не ответил, он смотрел вслед Дракону, задумчивым взглядом. Этого человека звали Бортал, или Кара-Бортал, как его прозвали его воины. Он был дальним родственником хунтайши Баатура. Достаточно дальним, чтобы остаться в живых, так как всем остальным родным хунтайши давно отрубил головы. Род Бортала выступил вместе с остальными родами ойратов в этом походе. Правда, сейчас ему была совсем непонятна позиция хунтайши, казалось бы, после того как они победили казахских ополченцев, они должны были идти дальше, в северные степи. Но этого не произошло. Вместо этого хунтайши приказал отступать назад. Конечно, с победой, но они могли получить гораздо больше. Иногда Бортал жалел о том, что он не мог претендовать на престол.

Драконом, с которым он разговаривал, был его племянник – Жаугаш-бахадур. Это действительно был не человек, а скорее огромное чудовище. Он был гигантского роста, около двух с половиной метров, в ширину же он был настолько велик, что сравним был с тремя воинами. В бою дракон был

почти непобедим и сеял страх в сердца своих врагов. Бортал сам видел, как в одном из сражений несколько стрел вонзилось ему в грудь, он же, казалось, не заметил их и продолжил битву. Если бы Бортал был мертв, то, несомненно, его род возглавил бы Жаугаш.

Бортал еще раз осмотрел поле, усеянное трупами, и, пристегнув своего коня, помчался вперед.

Шел конец 1635 года.

Дальнейшая жизнь Еламана превратилась в ад. Их держали в зиндане, изредка кидая им куски хлеба и отпуская ведра с водой. Иногда еду не давали целыми днями. Было очень холодно, вскоре некоторые начали кашлять и впоследствии умерли. Многие, кто был жив, завидовали им, ибо их ждала еще более ужасная участь.

Когда их начали клеймить, Еламан думал что умрет. Он потерял сознание, как раз в тот момент, когда раскаленное железо коснулось его лба. Обычно клеймили руки, но Бортал считал, что раб может потерять конечность, но при этом остаться все еще работоспособным. Поэтому их клеймили в лоб.

После этого у Еламана началась жуткая лихорадка. Он лежал, как труп, на сырой земле своей клетки. Никто не знал, сколько он так пролежал. Все думали, что он уже мертв. Но когда джунгары спустились вниз, чтобы забрать тело, то обнаружили, что мальчик все еще дышал. Через неделю после этого он встал, схватил кусок заплесневевшего хлеба

и съел его.

Он выжил.

Чтобы не сойти с ума в той тюрьме, он стал отмечать каждую неделю своего пребывания маленькой зарубкой на куске бревна, что торчал поперек его темницы.

Когда их вывели на свет, то большую часть выживших продали прибывшим людям Баатура. Мальчик остался в числе тех, кого оставили. Многие радовались, кто-то говорил, что это хорошо, так как пленных покупали для строительных работ в Китай, где обычно умирали в первые же недели. Но мальчику было все равно. Он молчал, и вскоре все решили, что он немой. Было ли это истиной, не знал и он сам.

У Кара-Бортала было два сына, Арзар и Менгу. Менгу был примерно одного возраста с Еламаном, Арзар был чуть постарше. Они часто выезжали вместе с остальными воинами поселения на охоту.

Еламан иногда тщательно разглядывал их, пытаясь понять и осознать что-то свое. Его работа была не слишком тяжелой для взрослого мужчины, но довольно трудной для ребенка. Он таскал саксаул на дрова, которые затем рубили другие. Он носил воду, иногда следил за огнем. Кормили его один раз в день остатками еды.

Он потерял чувство реальности. Иногда ему казалось, что он вовсе не раб, что это он, Менгу, и сейчас он скачет вместе с другими воинами на охоту. А впереди его отец, толь-

ко не этот Кара-Бортал, а именно его отец, казахский батыр, который был давно мертв.

Иногда он бредил. Падал на траву, закрывал глаза и молча лежал. Но при этом он никогда не плакал. Ни от боли, ни от осознания потери. Его мозг просто отказывался принимать происходящее. Он перестал жить в этом мире. Просто выполнял свою рутинную работу, изо дня в день. Его перевели из подземной ямы в палатку, так как он стал собственностью Кара-Бортала. И лежа там, прямо на земле, он вспоминал, о том, что ему обычно рассказывал отец. Он вспоминал о том, как дядя учил его скакать на лошади, и колыбельную, что обычно пела ему мать.

Вместе с ним в палатке жили еще несколько человек. Они пытались поговорить с Еламаном, но он им не отвечал. Он просто лежал, ничего не говоря.

Так проходили его дни.

Но Кара-Бортал не для этого держал рабов. Сложно судить о характере человека, исходя только из его поведения. Но все-таки можно сделать некоторые выводы, опираясь на его поступки. Бортал был чудовищем, наверное, еще большим, чем Дракон. В отличие от своего племянника этот ойрат обладал властью, пусть совсем не такой, как у хунтайши, но все равно – властью. Бортал был тираном, который тешился глядя на страдания других. Поэтому его род был так предан хунтайши Баатуру. Ему было уже все равно, где и как воевать, он упивался самим процессом.

Там, где проходили отряды Бортала, никто не оставался в живых. Однако его тирания была направлена не только на врагов, он был суров со своими воинами и с полным равнодушием относился к своим женам. Единственные, кто вызывал у него душевную теплоту, были его сыновья. Он с улыбкой на устах наблюдал за тем, как они скачут верхом, тренируются в стрельбе из лука и фехтуют палками.

У его сыновей были, разумеется, и учителя.

Еламан видел их иногда, больше всего ему запомнился старик с длинными волосами. Он всегда был одет в простую рубаху, опоясанную кожаным ремнем. В руках у этого человека никогда не было оружия, но оно было ему и не нужно. То, что он делал, то, чему он учил детей джунгара – не требовало никакого оружия, кроме своих собственных рук. Старик показывал им приемы атаки, нападения, даже против противников, вооруженных клычами. Еламан никогда раньше не видел подобного, и он иногда, позабыв о работе, смотрел на то, как Арзар и Менгу повторяют след за стариком причудливые телодвижения.

Однажды, когда Бортал возвращался с охоты, он заметил Еламана, несущего куски древесины. Бортал удивлено рассматривал раба, ему казалось несколько странным то, как этот мальчуган может нести груз, равный его собственному весу.

– Он очень вынослив, кто это? – спросил он своего телохранителя.

– Мальчишка, захваченный в одном из казахских аулов.

Бортал в задумчивости смотрел на Еламана и размышлял о чем-то своем.

На следующий день он приказал привести раба к нему. Его мысль была вполне простой, а вместе с тем ужасной. Бортал решил, что его сыновьям пора начать тренироваться не на кусках деревьев, а на рабах. И первым был Еламан. Именно так выносливость, которую отметил Бортал, сыграла роковую роль.

Сыновей Бортала их учителя вооружали палками и выставляли против них раба. Еламан не обращал ни на что внимания, он лишь мчался на врагов, мечтая о том, как бы придушить их. Но каждый раз он падал от ударов. Постепенно все его тело покрылось ушибами и само стало похоже на один, огромный синяк. Прошло время, и он перестал чувствовать боль, его разум, пытаясь не сойти с ума, отключал все, кроме ярости.

Когда человек слишком долго страдает, он начинает привывать к этому чувству и забывает про все остальные. Трудно говорить, но через год Еламан начал жить только ненавистью.

Его избивали ежедневно. Но каждый раз он вставал вновь, порой удивляя всех. Он выживал, а его кости срастались с поразительной быстротой. Впрочем, сам он этого совсем не замечал, он представлял тот миг, когда он вонзит острие кинжала в тело Бортала.

Дракона он не видел, с тех самых пор, как стал сиротой. Но он знал, что ему придется рано или поздно встретиться с ним. Он боялся его больше всего.

Дракон приходил к нему во сне, где он был всегда таким же огромным, как в тот самый день. В руках у Дракона была огромная сабля, и он искал его, пробивая себе дорогу среди остальных воинов.

Бортал больше не интересовался Еламаном, он, несомненно, видел его, вместе с остальными рабами, на которых тренировались его дети. Но на этом его интерес заканчивался. Его больше волновали успехи своих детей. Он знал, что в следующем походе они будут сопровождать его, и тогда он сам научит их премудростям боя. Всему тому, что он знал сам.

Тем временем, хунтайши Баатур переживал не лучшее время. Безусловно, добыча, которую он получил в результате набега, подняла его авторитет в глазах родовых вождей. Но он чувствовал, что его силы постепенно иссякают. Никто не говорил ему это открыто, но он знал, что стоит ему допустить малейшую оплошность и его место займет другой. Да, он убил всех конкурентов на престол, но это было лишь временной отсрочкой.

И он готов был начать подготовку нового вторжения. Стычки, конечно же, не прекращались, и мелкие сражения велись и по сей день. Но Баатуру нужно было нечто большее. Он должен был взять под контроль все Северо-Восточные

земли казахов. Район Жетысу фактически принадлежал ему, оставалось только несколько городов, в том числе и столица казахов Туркестан.

И Баатур решает вновь сыграть на разрозненности казахского ханства. Он знал, что существенным препятствием может стать лишь хан. Убив его, он ввергнул бы ханство в хаос. Султаны отказались бы подчиняться новому хану, а после Жанибека претензии на престол выдвинул бы Жангир.

Законы степи были суровыми. Жангир проиграл сражение, а это значило, что он потерял уважение и авторитет. Он бы уже никогда не смог собрать большого ополчения.

И хунтайши решает начать осуществление своего плана. Он собирает вождей всех ойратских родов и дает им понять о том, что пора собираться.

По сути, он стремился не столько к добыче, сколько к собственной славе. Тщеславие звало его на запад, в степи Средней Азии.

Ставка Хотогчина, носившего титул Эрдэни Баатура-хунтайши, сына Хаара-Хулы тайджи, располагалась севернее озера Зайсан, в верховьях Иртыша. По его приказу были возведены укрепления, которые закрывали его таким образом, что воины хунтайши оказывались в более выигрышном положении, в случае нападения. А его Баатур опасался больше всего. Последнее время ему все больше казалось, что против него строят заговор, именно поэтому он решил действовать безотлагательно.

Он созвал вождей наиболее крупных племен, входивших в состав Джунгарского ханства. Все было проделано неофициально, и вожди прибыли в качестве гостей. Впрочем, разговор был совсем не бытовой. Перед хунтайши стояла непростая дилемма: или он атакует казахские степи безотлагательно, или рискует потерять свои собственные. А дело было в том, что взаимоотношения с Китаем все больше и больше накалялись. Послы Цинской Империи открыто претендовали на степи Джунгарии и делали непрозрачные намеки в сторону Средней Азии. Хунтайши Баатур понимал, что все его войско держалось на Цинском вооружении, стоило Китаю перекрыть торговые дороги и атаковать хунтайши, ханство было обречено.

Понимали это и вожди ойратских родов. Поэтому они прибыли сразу, как Баатур пригласил их, и, конечно же, каждый знал, о чем пойдет разговор.

Хунтайши сидел в задумчивости, когда его мысли прервал его сын Сэйгэ. Он вошел в юрту и проговорил:

– Отец, все гости прибыли.

Хунтайши посмотрел на сына. На мгновение он отвлекся от своих мыслей и вспомнил себя в его возрасте. Его отец Гумэчи, носивший титул Хаара-Хулы тайджи, никогда не отличался милостью и не позволял никаким эмоциям взять над ним вверх. Он почти не обращал внимания на Хотогчина, по крайней мере, так казалось ему. Больше всего он запомнил эпизод, когда будучи еще ребенком, он упал с ло-

шад. Тогда его отец рассмеялся и проговорил: «Разве это мой сын? Если он даже не может оседлать кобылу?». Хотогчин ненавидел своего отца и стремился во всем показать свое превосходство. Он сражался подобно дюжине воинов, в стрельбе из лука ему не было равных. Когда в 13 лет он убил своего первого врага, Хаара-Хулы равнодушно проговорил: «Настоящий ойрат не хвастает своими достижениями». Тогда юный Хотогчин, который позже станет непобедимым Баатуром-хунтайши, возненавидел отца еще больше.

Но сейчас он понимал, что отец любил его, просто иначе он не мог воспитать в нем сильного и стойкого тайджи. А настоящий хунтайши должен быть жесток, он должен забыть милосердие и думать только о своем величии. Такие вещи нельзя выучить в одночасье, ты должен впитать их с рождения. И он, Хотогчин, впитал их. Впрочем, он старался не повторять ошибок своего отца, возможно, потому, что методы его воспитания были ненавистны новому хунтайши. И хотя своего старшего сына Сэйгэ он воспитывал в строгости, но и не обделял отцовской заботой. Он старался, чтобы его сын чувствовал всю ответственность, лежащую на хунтайши, но при этом не забывал свое собственное «я».

Младшего сына Галдена, Баатур отдал на воспитание в буддийский монастырь. Он хотел исключить любые притязания на престол между своими сыновьями. Так, Сэйгэ он готовил к военному ремеслу, а Галдена к светской жизни. Впрочем, это также было продиктовано желанием оградить

одного из сыновей, отправив его в монастырь, он спасал его от родовых интриг. В своей боязни потерять власть, хунтайши дошел до того, что стал убивать родственников, по крайней мере, тех, кто мог претендовать на престол.

Сэйгэ послушно стоял и ждал ответа отца. Он привык слушать того и питал к нему глубокое уважение. Но следует сказать, что в душе ему не терпелось самому взойти на престол и уж тогда, он бы захватил всю Среднюю Азию, дошел бы до русских степей, а на востоке отбил бы родные ойратские пастбища, отнятые у них Цинской Империей.

Цинская Империя! Он ненавидел ее. Посланники империи были повсюду, их ставленники были советниками у его отца и фактически руководили им. Мало того, что они с каждым годом продвигали свои границы все дальше, на земли Джунгарского ханства. Так они еще и диктовали свои условия, направляя всю мощь Джунгарии в сторону степняков Средней Азии.

Он не любил цинцев и в этом он был не одинок. Практически также мыслили все родовые вожди ойратов, но они все понимали, что полностью зависят от Цинской Империи. И если Император поднебесной пожелает, то завтра же степи Джунгарии запылают огнем. Китай был слишком силен, по крайней мере, сейчас. Сэйгэ имел на это свои взгляды и в своих мечтах видел себя великим завоевателем, с мнением которого будет считаться китайская знать.

– Сэйгэ, – промолвил, наконец, хунтайши, – скажи мне,

что ты думаешь о нынешнем положении в степи?

Сэйгэ задумчиво поглядел на отца.

– Я вижу настроения среди воинов. Они хотят сражений, им надоело сидеть здесь подобно овцам, отец. Они хотят войны, им нужна кровь, добыча и слава. Вот что я вижу!

Хунтайши кивнул, скорее своим мыслям, нежели словам сына.

– Это хорошо, а что думаешь лично ты?

– Отец, я полностью полагаюсь на твоё мнение. И я считаю твоё решение абсолютно верным. Мы должны выступить в степи Жетысу. Мы должны захватить казахское ханство, до того, как они окрепнут.

– Молодец Сэйге, но что ты думаешь по поводу Цинской Империи?

Сэйгэ, казалось, замаялся. Он даже не знал, что и говорить. Лгать отцу он не мог, так как тот прекрасно знал настроения своего сына. А говорить правду, значило идти против политики отца. В любом случае компромисса быть не могло, и Сэйгэ ответил уклончиво:

– Я думаю, что нам следует быть настороже.

– А ты знаешь мнения моих советников?

– Я знаю, что все они подданные Императора, и это достаточно, чтобы понять их желания.

Баатур нахмурился.

– Это ты сам так решил, или тебя надоумила твоя мать?

– У меня есть свои глаза, отец.

– Это хорошо, продолжай наблюдать дальше. И позови Даваци, я хочу с ним поговорить.

– Слушаюсь отец, – Сэйгэ кивнул и вышел из юрты.

Баатур был совсем не рад мыслям своего сына. Если так пойдет и дальше, то стоит ему умереть, как этот юнец начнет войну с Цинской Империей, а это грозит гибелью всему ханству. Хотя, пройдет время, и Сэйгэ сам все поймет. Мудрость приходит с опытом. Сейчас его сыном руководили мысли его матери. А она все жаждала отомстить Китаю за смерть своих родных из рода торгутов. И эту ненависть она прививала и Сэйгэ.

Иногда Баатур размышлял о превратностях судьбы. Та часть ойратов, что откочевала в северные степи, что случилось с ней? До него доходили обрывки разной информации и даже прибывали послы из торгутских родов. Баатур подумывал о том, чтобы пройти сквозь всю Центрально-азиатскую степь к северу и соединиться там с теми джунгарами, что откочевали туда, когда его отец еще только претендовал на престол.

Великий тайджи Хаара-Хула, которого боялись как враги, так и союзники. Но он переплюнул его. Ведь Джунгарское ханство было полностью его объединением. Возможно, он ошибся в самом начале, когда в поисках союзников обратился к Китаю, но теперь переигрывать совершенное было поздно. Он не хотел признавать этого, но за каждым его действием следили глаза и уши поднебесной. Все его советники

были послами Империи Цинь.

В юрту вошел Даваци, один из старших вождей рода дербетов. Он был намного старше самого Баатура и знал его еще тогда, когда он был просто Хотогчином. По сути, он был немногим младше его отца. И его мнение значило для хунтайши очень много.

– Приветствую тебя Эрдэни Баатур-хунтайши, – Даваци наклонил голову.

– И я приветствую тебя, Даваци, сын Акзура из рода дербетов.

Даваци улыбнулся.

– Прошел почти год, как я тебя не видел, – он перешел на неофициальный тон.

Баатур поднялся со своего места.

– Как я рад тебя видеть Даваци, верный воин моего отца.

Они обнялись, как старые друзья.

– Я вижу, ты собрал всех крупных вождей на церемонию женитьбы твоего племянника. Но ведь это не главная причина, или я ошибаюсь?

– Ты, как всегда, прав, и мне, как никогда, нужен твой совет, – Баатур приглашающим жестом усадил гостя на кошму.

– Спасибо, – лицо Даваци было непроницаемым.

– Я в сложной ситуации, ты единственный человек, с которым я могу говорить более-менее открыто, – Баатур выдержал паузу, а потом продолжил, – недавно прибыл посол от богдыхана Канси. Цинская Империя хочет, чтобы мы дви-

нулись на запад.

– Мы не можем сделать этого сейчас, – Даваци был поражен, – мы не достаточно подготовлены, к тому же вожди родов не согласятся выступить.

– Они согласятся сегодня, – ответил хунтайши.

– Так вот для чего ты созвал их. Тогда тебе надо было созвать курултай. Такие вещи на праздниках не решают.

– Я прекрасно знаю об этом. Но у меня нет выхода. Мы должны выступить, и ты это прекрасно понимаешь. К тому же сейчас как раз подходящий момент, степные султаны ведут войны меж собой, и нам стоит только войти в эту степь, как они сами раскроют перед нами ворота своих городов. Это сражение уже выиграно.

– Другие вожди будут против.

– Конечно, поэтому мне pomoжешь ты, – хунтайши дружески похлопал гостя по плечу.

– Как ты намерен это сделать?

– Завтра, я соберу всех у себя в юрте и просто поставлю в известность. И ты поддержишь меня первым. Они не пойдут против воли хунтайши и рода дербет. И выступим мы безотлагательно.

Даваци молчал. Он не смел противиться воле хунтайши, но в душе был против. Слишком неподходящим было время для наступления. Если бы они выждали хотя бы несколько месяцев, то он был бы более уверен в победе. Однако отец Баатура, Хаара-Хула ценил его, Даваци, как раз за его мол-

чаливое согласие и поддержку во всех начинаниях великого тайжи. И Давази не собирался идти против воли нового хунтайши.

– Да, конечно, я поддержу тебя.

Баатуру кивнул, он и не сомневался.

Весть о смерти хана Жанибека разнеслась по степи подобно молнии. Он попал в джунгарскую засаду, когда возвращался в столицу казахов город Туркестан. Его и всех его нукеров беспощадно вырезали.

После похорон хана стало совсем очевидным, что в степи начались темные времена. Как раз в этот период ойратские орды собирались для решительного и окончательного похода, который, по мнению хунтайши, должен был расширить границы его ханства до самого Яика. Вожди ойратских племен поддержали его решение.

В казахской же степи царил хаос. Султаны, заручившись поддержкой родовых биев, начали борьбу за ханский престол. Каждый видел себя на месте единого казахского хана. Брат Жанибека, Жангир, был не признан и, памятуя о его поражении в битве 1635 года, его вытеснили на второй план. По сути, он просто был заперт в Туркестане.

Одним из его союзников был султан Болат, который был верным воином Есим хана, отца Жангира и Жанибека. Помимо него под командованием Жангира находились верные ему воины, и он мог силой попытаться взять трон. Но в сложившейся ситуации любая агрессия внутри ханства повлек-

ла бы за собой полное поражение. Султаны Жетысу, как и в 1635 году, отказались подчиняться Жангиру, не понимая, что ойратская напасть не обойдет их стороной.

Жангир хан был очень крепкого телосложения, и отличался на фоне других батыров своим ростом. С самого детства он проявлял интерес к военным наукам, хотя его отец Есим хан старался, чтобы его сыновья ко всему прочему были отличными дипломатами. Жангир меж тем с легкостью овладевал и социальными науками, хотя они не приносили ему такого удовлетворения, как скачки или искусство ближнего боя. Из всех казахских воинов не было ему равных в соревнованиях по натягиванию лука. Одной рукой мог он поднять троих взрослых мужчин, а в бою сражался с таким рвением, что ни один противник не мог сразить его.

Единственным центром, соединявшим казахов, был город Туркестан. Он был не только столицей, но и духовным центром ханства. Его потеря значила бы полное поражение. Поэтому огромная роль была уделена оборонительным укреплениям. Их модернизация и расширение было начато еще при Есим хане. Фактически окончательно завершил его султан Жангир. Город можно было разделить на две части. Самой укрепленной была центральная сторона, Хисар. Она была обнесена плотной стеной и именно в ней находились все наиболее важные постройки. Она была густонаселена как простыми ремесленниками, так и воинами. Жангир перенес основную часть всех военных построек именно сюда, под за-

щиту крепостных стен.

Все, что начиналось за Хисаром, было пригородом. Здесь в основном находились мелкие постройки. В самом же городе, помимо Хисара, выделялись жилые кварталы – Масхалла. Каждый квартал имел около 10 домов.

И все-таки Жангир надеялся остановить джунгар еще до того, как они дойдут до Туркестана. Потеряв всякую надежду найти союзников среди казахских султанов, он стал искать их вовне. За помощью он поочередно обращался к правителям Бухары, Хивы, Коканда и, в конечном счете, к киргизам. Но эти государства были слишком заняты своими внутренними распрями.

Наконец, в 1642 году через территорию Джунгарских ворот в степи Средней Азии ворвалось объединенное войско Эрдэни Баатура-хунтайши.

Но вернемся немного назад. Как мы уже знаем, решение хунтайши поддержали все вожди ойратских племен. Но были и те, кто высказал протест. Впрочем, под давлением воинов Даваци голоса противников были быстро подавлены.

Среди тех, кто в тот день был приглашен в ставку к Баатуру, был и Кара-Бортал. Он прибыл вместе со своими нукерами. Как и обычно, он молчал, когда было нужно, он высказал полное согласие с политикой Баатура и мысленно уже наметил план будущего похода. В этот раз он собирался взять с собой обоих своих сыновей Арзара и Менгу. Они уже достигли того возраста, когда воин должен был убить первого

противника.

С торжества Бортал вышел задумчивым. Ему не нравилось усиление влияния Цинской Империи на политику великого хунтайши, но кто был он такой, чтобы оспаривать чье-либо мнение. Торжество по случаю женитьбы племянника Баатура длилось несколько дней. Еда была в обилии, и гости разошлись довольными.

Бортал взглянул на Арзара, который скакал на своем коне, рядом с ним. Да, его сын уже значительно подрос, и пора ему было примерить на себя роль воина. По возвращении назад, Бортал рассчитывал собрать всех воинов, разделив их на две группы, одну поведет он с Арзаром, другую Менгу вместе с Жаугашем.

Жаугаш. При этом имени Бортал невольно вздрогнул. Порой ему становилось не по себе, когда его племянник смотрел ему в глаза. Этот ребенок с самого детства был пятном на глазах у Бортала. Он ясно помнил, в каком гневе был отец, когда его дочь, сестра Бортала, вернулась с плена с ребенком. Ее ждал «несчастный случай», – ей перерезали горло. Ее безродного сына отдали на воспитание одной из бабок. По сути, это был позор для всего рода.

Но этот ребенок с самого детства удивлял всех. Он выигрывал все соревнования в борьбе, стрельбе и скачках. Он не упускал ни одного случая угона скота у соседних родов. Постепенно он превращался в Дракона. На многочисленных степных сабантуях он показывал себя как искусный воин, по-

беждая в балуан-куресе воинов из других родов. Все быстро забыли, что Дракон был незаконнорожденным. А воины рода проявляли к нему глубокое уважение и страх. Но он никак не мог претендовать на главенствующие роли в роду. И Бортал не боялся того, что Дракон будет конкурентом его сыновьям.

В его памяти часто всплывал эпизод, когда их род вел войну с другим ойратским племенем. Они выступили неожиданно и сделали расчет на внезапность, в конечном итоге, их план удался. Они ворвались в один из вражеских аулов, воины противника быстро поняли безвыходность и сдали оружие. Обычно в таких случаях все заканчивалось отгоном скота противника. Так должно было быть и в тот раз, но Жаугаш считал иначе. Он приказал вырезать весь аул, не оставляя никого в живых. Бортал поначалу был в бешенстве, но Дракон охладил его пыл, рассудительно проговорив:

– Они нам не простят, и если мы оставим их, они придут и вырежут нас.

Бортала поразило то, с каким холодом и безразличием в голосе Жаугаш приказывал сарбазам вырезать беззащитный аул их собратьев джунгаров. Но он, в конечном счете, был прав, хотя и нарушал все законы морали.

Конечно же, времена раздоров между ойратскими родами закончились с приходом к власти Баатура-хунтайши. Он объединил всех воедино и направил агрессию в сторону степей Жетысу.

Пока что, Жаугаш был тем связующим звеном, которое позволяло Борталу в любой момент собрать войско и отправиться в поход. И Дракон его слушался во всем.

Для себя же Бортал все уже давно решил. Он возвращался обратно, чтобы собрать своих воинов для нового похода. Он и не подозревал, что его планам не суждено было сбыться...

Глава 3

На следующий день после своего приезда в город, за Максатом заехал Балтабай. Он заранее предупредил, что заедет ближе к обеду, и Максат решил временно внести коррективы в свои планы и перенести запланированные дела. Тем более, что у него не было четкого рабочего графика, и он был в своем роде предоставлен самому себе. Но Максат прекрасно понимал, что с написанием статьи затягивать не нужно, люди из британского издания хоть и не давали ему никаких сроков, вполне понятно намекнули, что он далеко не единственный кандидат.

Итак, ровно без пятнадцати двенадцать Балтабай уже стоял в коридоре старой квартиры Максата. К тому времени в доме, кроме него и Маржан-апы больше никого не было, Балтабай же прибыл в веселом расположении духа и принялся подгонять Максата собираться.

– Сейчас поедем, нормально покушаем, тут хорошее место знаю, с шашлыками, пивом посидим, – довольно произнес он.

Максат поморщился:

– Так утро же, может потом?

– Никаких «потом», – категорично отрезал Балтабай, – да и какое еще утро? Время к обеду идет, так что давай, соберайся, заодно обсудим твои рабочие планы.

– Так как раз насчет этого, мне еще сегодня надо бы с Аскарком встретиться, по поводу его бизнеса обговорить.

– Это насчет оборудования что ли? – удивленно спросил Балтабай.

– Что-то вроде этого, – подтвердил Максат, – звоню ему, а у него номер не доступен.

Балтабай задумчиво ответил:

– Так он сменил номер. Чего-то у него там не заладилось. Хотя его не поймешь, то дела в гору шли, то теперь вообще «вглухую» ушел, ни сном, ни духом о нем. Но если что можем прямо к нему домой заехать.

– А ты знаешь, где он живет?

Балтабай махнул рукой:

– Да, конечно, знаю, правда, от него родственной солидарности не дождешься, просто так, в гости никогда не позовет. Я к нему пару раз по делам заезжал. Можем и сегодня заехать.

– Отлично! – кивнул Максат.

– Но это потом, сейчас давай собирайся, пивка попьем.

Максат быстро оделся, успев про себя отметить, что даже не успел погладить вещи с дороги, и пошел вслед за Балтабаем. Тот между тем рассказывал об успехах своего бизнеса, отмечая, что в его клиентах ходит чуть ли не половина автомобилистов города. Тут Максат вспомнил о терзавшем его вчера вопросе:

– Чего-то я забыл, а ты же вроде автомастерскую дер-

жишь?

Балтабай расхохотался:

– Да, но не только автомастерскую. У нас Максат, понимаешь, весь спектр услуг. И стоянка, и автомагазин, и продажа авто, там, правда, ребята пригоняют, но все идет через меня. А сейчас стали напрокат авто давать. Правда чего-то это дело у нас пока не идет, не привык еще народ. Не привык.

Они как раз вышли во двор и Балтабай направился к своему новенькому Outlander'у. Максат сел впереди и оглядел салон. Особых изысков не было, да и зная характер Балтабая, можно было с уверенностью предположить, что он бы их не потерпел.

– Пристегнись, а то сейчас ГАИ штрафует за это сильно. Раньше сквозь пальцы смотрели, а сейчас с этим строго.

Они тронулись с места. Автомобиль не спеша выехал со двора и бесшумно помчался по дороге. Балтабай пребывал в хорошем расположении духа.

– Ну, как? Узнаешь родной город? Или он сильно изменился за время твоего отсутствия?

Максат рассмеялся:

– Ты же сам знаешь ответ. В любом случае если скажу, что он не изменился, ты мне не поверишь.

Балтабай кивнул:

– Конечно, не поверю. Но вот я скажу. Несмотря на то, что внешне город сильно изменился, он остался тем же. Они сносят старые дома и строят на их месте новые. Но это наш

город. В нем есть что-то особенное, я это чувствую.

– Неудивительно, ведь ты родился в этом городе. Он в любом случае будет дорог тебе.

– Это, конечно, так, но дело не только в этом. Я даже не смогу тебе объяснить это, но знаешь, город всегда остается таким же. Это как если взять старый автомобиль и, не спеша, в гараже, менять его запчасти на новые. И вот, ты уже заменил все детали. Но это все тот же автомобиль. Максат пожал плечами:

– Не совсем понимаю, о чем ты говоришь. Это в любом случае будет уже совсем *другой* автомобиль.

– Да нет же, я говорю именно про твои ощущения. Ощущать его ты всегда будешь тем же автомобилем, только подремонтрованным. Конечно, если заменить все детали разом, то это будет уже другое авто. Но здесь все зависит именно от неспешного изменения.

Максат задумался.

– Да, определенная правда в этом есть. Есть не торопить события, изменения пройдут незамеченным. Наверное, так же и с жизнью, совсем не ощущаешь, как идут годы.

– Это на тебя ностальгия накатила?

– Да, пожалуй, – подумав, согласился Максат.

Он поглядел в окно.

– Вчера ехал по этим местам на такси, – проговорил Максат.

– Ну и как?

– Сам еще не понял, не нравятся мне все новые торговые центры, супермаркеты... Зачем они вообще нужны? Раньше город хоть что-то производил, сейчас же только потребляет. Мы – общество потребления. Только вот мне не понятно кое-что...

– Что именно?

– Одна простая истина, чтобы что-то потратить, надо сначала что-то приобрести. Чувствую, что лет так через пять ударит кризис, и что же мы будем делать? Окажется, что реально мы ничего не производили... только потребляли...

– Но то, что мы построили, оно никуда не денется!

– Да брось ты, – Максат усмехнулся. – По-моему, только слепой не может видеть того, что сейчас происходит. Общество живет на кредитах, покупают дом – в кредит, покупают авто – в кредит. А наши банки тоже берут кредиты, только за рубежом. Но долго так продолжаться не может, нет средств производства. Это все равно, что все время брать деньги в долг и тратить их. Рано или поздно придется возвращать, а чем? Этими торговыми домами?

– Ну... по-моему в этом нет ничего плохого. Мы же живем в капиталистическом обществе. Ну, строят торговые дома, ну и что? Это разве плохо?

– Не знаю, – Максат пожал плечами, – как по мне, то есть гораздо более важные вещи, помимо торговых домов.

Разговор казался Максату пустым, больше всего он не любил говорить на те темы, которые не представляли абсолют-

но никакой ценности.

Мы ежедневно слышим бессмысленные разговоры, но не понимаем и малой доли того вреда, который они несут. Бессмысленные разговоры есть порождение толпы, общества, массы, и как бы красиво они порой не звучали, они всегда останутся пустыми разговорами. Более того, чем дольше человек будет слушать их, тем больше он начнет думать, что он многое познал, тогда как в реальности он становится еще дальше от истины, чем прежде.

Разговоры толпы всегда остаются только разговорами, даже если они затрагивают какую-то серьезную и важную для общества проблему. Люди жалуются на маленькую пенсию, зарплату, хамство и неуважение, но все это останется лишь словами, пока оно исходит из уст толпы.

Многие могут возразить, сказав, что именно эти разговоры толкают людей к определенным поступкам, приводят к революциям и реформам. Но все вышперечисленное было вызвано словами отдельных людей, и эти слова имеют силу, именно пока они остаются словами одного человека. Когда их подхватывает толпа, они теряют смысл.

Более того, как сильно мы бы не верили в эти разговоры, мы сами понимаем, что они не несут в себе никакой силы. Иначе мы бы приняли их как руководство к действию. Но этого не происходит. Мы не верим этим речам.

Они остаются для нас – бессмысленными разговорами толпы.

Поэтому Максат никогда лишней раз не любил разговаривать на подобные темы. А чрезмерный интерес людей к этим темам, как правило, связывал с отсутствием других тем для разговоров. Так обычно и происходило, в минуты неловких пауз, кто-то из собеседников начинал говорить либо о погоде, либо о политике.

Иногда Максат задумывался, почему именно погода и политика? В этих двух темах было что-то схожее. По сути, политика, так же как и погода, зависела от внешних обстоятельств. А порой она была еще более непредсказуема, чем погода. Синоптики, так же, как и политологи, чаще ошибались, чем давали точные прогнозы, а периодические похолодания всегда приходили неожиданно и некстати. Впрочем, политика на Востоке и политика на Западе были двумя абсолютно разными явлениями. Восточный менталитет никогда не одобрял спешки, решения принимались медленно и всегда были ожидаемы. На Западе политика настолько часто меняла вектор своей направленности, что если бы она была ветром, то давно сломала бы все флюгера.

Максат поглядывал на дорогу. Они ехали достаточно медленно, и он мог разглядеть шагающих по улицам людей. Через некоторое время они остановились у небольшого двухэтажного здания.

– Неплохое место, тут хорошо можно посидеть, – проговорил Балтабай.

Максат пригляделся к местности, она показалась ему зна-

комой.

– Здесь раньше стояли самолеты?

– Ах, да, кладбище самолетов, неужели ты помнишь?

– Помню, в детстве мы часто там бродили, – сказал Максат.

– Да, полгорода в детстве там лазило по ржавым самолетам, это года два-три назад снесли, на той стороне будут строить многоэтажный дом, а тут неплохое кафе открыли.

Максат вышел из машины. Он оглядел поле, которое раньше было огорожено забором. В детстве они пролезали внутрь и бродили вдоль импровизированной выставки самолетов. Теперь это было в прошлом.

Максат вздохнул и пошел вслед за Балтабаем.

Место действительно оказалось хорошим. Балтабай заказал столик на улице, отсюда открывался вид на центральный проспект, и можно было наблюдать за проезжающими мимо машинами и идущими по своим делам людьми. Они сидели в тени деревьев, и их заметно не было. Через полчаса после того, как они сели и все возможные темы для разговоров были исчерпаны, Максат решил спросить по поводу главной для него темы.

– Как думаешь, Аскар сможет что-нибудь сообщить?

– По идее должен, он сильно завязан на поставке оборудования. Раньше у него связи были в управлении, но потом, как сменили руководство города, он на задний план отошел, сейчас дела у него, говорят, не идут. Ну, я так слышал, по край-

ней мере. Впрочем, тебе в любом случае надо самому с ним поговорить.

Максат сделал глоток из кружки.

– А ты, помнится, говорил, что у него проблемы начались?

Балтабай пожал плечами:

– Я почти ничего на этот счет не знаю. Но слышал, что он крупно задолжал, взял кредиты, закупил оборудование, а тендер отдали кому-то другому. Вот он сейчас и сидит дома, никуда не высовывается. Это еще хорошо будет, если мы его застанем.

Максат задумался. А что он, по сути, знал об Аскаре? Странно, но Аскар никогда особо не сближался ни с кем из родных. Он не видел его на общих праздниках, днях рождениях. Да, тот появлялся пару раз на свадьбах. Был и на свадьбе его брата, но этим все и ограничивалось. Перед тем, как приехать сюда, Максат связался с Аскарком, и тот согласился ему помочь в написании статьи. Но, судя по рассказу Балтабая, это было еще до того, как Аскар пролетел с кредитом.

– Ты знаешь, я подумал, что Аскар никогда особо не общался с нами, – сказал Максат.

Балтабай кивнул.

– Да, есть в нем такое. Но знаешь, у нас, у Есеновых, все немного замкнутые. Слишком мы индивидуальны. Всегда сами по себе. Вот ты тоже такой.

– Ну, я никогда не отдалялся от семьи, – улыбнулся Максат, – а кстати, что там насчет остальных. В последний раз,

когда я был тут, Амангельды помнится собирался строить дом в пригороде.

– Давно уже построил, у него там целое ранчо. Иногда заезжает в город, тогда заходит в гости.

– А Адильбек?

– Тоже нормально, работает. А вот брат его...

– Ильяс? – вспомнил имя Максат.

– Да, он в религию ушел, сначала на могилки к святым ездил, потом вообще уехал куда-то. Но его понять можно, у него все дело погорело, а потом квартиру очистили.

– У него сеть аптек была, помнится, – снова напряг память Максат.

– Ага, закрыл всю.

«И так бывает», – подумал Максат. Порой даже не знаешь, что может случиться с тобой в жизни. Более того, начинаешь сомневаться, что ты, действительно, хозяин своей собственной жизни. Вот и у Ильяса, по всей видимости, возникли такие сомнения, раз он ушел в религию. А религия, она всегда готова дать тебе ответ на стоящие перед тобой вопросы и направить по «правильному» пути. Только вот, так уж правилен ли этот путь. И не слишком ли легко мы выбираем для себя свою веру?

А другие наоборот, смиряются, говорят, что это была их судьба, что ничего нельзя изменить. Но так ли это?

Вера в предопределение судьбы снимает с нас ответственность. Ведь если случайностей не бывает, то и наши ошиб-

ки являются ничем иным как злосчастливым роком или злой судьбой. Но с тем же успехом, счастливый человек может сказать, что его счастье также было – неизбежным.

Да, мы живем по заранее написанному сценарию, и все наши поступки predetermined заранее. Но авторы этого сценария – мы.

Максат сделал еще один глоток из кружки и внимательно посмотрел на Балтабая.

– Вот скажи мне, ты когда-нибудь задумывался над конечной целью твоей жизни?

Вопрос был задан так неожиданно, что застал Балтабая врасплох. Он чуть было не поперхнулся пивом и, отложив кружку в сторону, откашлялся.

– Как всегда, узнаю тебя, Максат, любишь ты озадачивать странными вопросами.

– Ну, так как?

– Конечная цель моей жизни? Гхм... – Балтабай отпил из кружки, – так же, как и у всех, наверное. Но в моем случае все еще зависит и от внешних обстоятельств.

– Таких как...?

– Таких как, например, бизнес. Или деньги. Это тоже, знаешь ли, важно. Конечно, я хочу закончить жизнь, сидя сытым и согретым у себя дома и нянча внуков. Но этого не произойдет, если что-то опять же помешает мне купить этот самый дом, или моему сыну настругать для меня внуков. Понимаешь?

– В принципе понимаю. Но тут, видишь ли, отсутствует твое личное желание. Ты говоришь, что многое зависит от внешних обстоятельств. Но эти внешние обстоятельства влияют только на один из возможных вариантов окончания твоей жизни.

– Чего? Не мудри.

– Ну, хорошо, вот смотри, ты говоришь, что хочешь дом, внуков и спокойную старость, так?

– Грубо говоря, да.

– Теперь, ты говоришь, что тут еще многое зависит от внешних обстоятельств, так?

– Ага, – кивнул Балтабай.

– Но тут как раз и зарыта, как говорится, собака. Что мешает тебе захотеть не дом, внуков и спокойствия, а, скажем, отправиться к старости на хадж в Мекку и умереть там от старости? Улавливаешь мысль?

– Не совсем.

– Если бы ты захотел другого, то никакие внешние факторы не влияли бы. Ну, что может помешать тебе совершить хадж?

– Здоровье, допустим.

– Правильно! Но это уже совсем другая проблема, нежели желание твоего сына заводить для тебя внуков! Следовательно, внешние факторы тут вообще ни при чем.

Балтабай хмыкнул.

– Знаешь Макс, ты так, бывает, замудришь все, что вро-

де бы понятно, а на самом деле ничего не понятно.

– Профессия такая, что ж поделаешь. Вторая древнейшая, так сказать.

– Ладно, Ломоносов, давай решать насчет твоей статьи. Ты все еще хочешь поговорить с Аскарком?

– А ты можешь посоветовать что-нибудь еще? – спросил Максат.

– Мне в голову ничего не приходит. Но если ты планируешь связаться с Аскарком, то давай, допивай и едем. Он как раз должен к обеду сидеть дома.

Максат кивнул, соглашаясь с высказанным мнением.

Через пять минут они уже ехали на встречу с Аскарком. Они свернули на центральную улицу, Балтабай сразу снизил скорость и начал ехать с какой-то усиленной осторожностью. Максат усмехнулся, подумав, что так они привлекут еще больше внимания.

Балтабай следил за дорогой, мимо них проехали несколько иномарок, а потом дорога почти опустела.

– Надо же, обычно в такое время тут все время пробки, а сейчас что-то пусто, – заметил Балтабай.

Максат удивился:

– Пробки? Тут случаются и пробки?

– Ну а ты как думал? Тут сейчас у каждого третьего автомобиль и каждый считает себя «Шумахером», а зимой так вообще – финиш, авария за аварией.

В этот самый момент откуда-то сбоку на полной скоро-

сти выехал белый джип и подрезал их, Балтабай резко нажал по тормозам.

«Хорошо, что пристегнулся», – пронеслось в голове у Максата. По инерции он дернулся вперед и если бы не ремень безопасности, то наверняка бы вылетел через лобовое стекло.

– Идиот! – вскричал Балтабай вслед уезжающему джипу.

Максат все еще не мог прийти в себя, так резко все произошло. Балтабай тоже немного отдышавшись, плавно двинулся вперед.

– Может догнать его? – предложил Максат.

– А есть смысл? Да и что ты сделаешь?

– Но это же нельзя так оставлять, мы чуть не убились.

– Номера акиматовские, – сухо ответил Балтабай.

– Чего?

– Номера у машины были акиматовские, так что ничего ты им не сделаешь.

До Максата не сразу дошел смысл услышанного, а когда он вдруг понял, ему стало обидно. И сразу вспомнилось, как в Астане автомобили с правительственными номерами спокойно парковались под знаком «стоянка запрещена».

Они продолжили движение, и на ближайшем перекрестке Балтабай свернул с главной улицы на какую-то второстепенную и поехал уже по ней.

– Так спокойнее, – объяснил он.

Через некоторое время они уже ехали по направлению

к дому Аскара. По всей видимости, он жил в пригороде, так как Балтабай вскоре направился в промышленные районы города. Максат периодически взволнованно смотрел на дорогу, и когда Балтабай в очередной раз прибавил скорость, Максат не выдержав, заметил:

– Что-то ты выглядишь слишком беспечным для человека, который выпил три кружки пива.

Балтабай расхохотался:

– Да ладно тебе, это же самая малость, а дорогу я эту знаю, тут инспектора обычно не дежурят.

«Да я не за инспекторов волнуюсь», – хотел было сказать Максат, но промолчал.

Они проехали еще пару километров, и Балтабай остановился возле какого-то неприметного, двухэтажного дома.

– Все, приехали, – проговорил он.

Максат выглянул в окно.

– Аскар тут живет?

– Иногда и тут, у него вообще-то квартира в городе, но сейчас он перебрался сюда.

Они вышли и Балтабай уверенно направился к воротам. Подошедший к нему Максат заметил на двери домофон.

– Ну что, звони? – спросил Максат.

Балтабай нажал на кнопку, раздались гудки и через некоторое время сухой, мужской голос спросил:

– Кто?

– Аскар, это Балтабай и... Максат, мы тут по делу.

– Сейчас выйду.

Разговор прервался. Максат подумал о том, что надо было прихватить с собой что-нибудь в качестве «презента», коньяк, на худой конец. А то получалось, что он пришел вот так, с бухты-баракты, с пустыми руками.

Впрочем, о своем приезде он предупреждал Аскара заранее, и тот должен был ожидать, что в любое время к нему может навеститься его дальний родственник. Но все же Максат чувствовал себя неловко. Балтабай же, напротив, пребывал в вполне веселом расположении духа, он даже пытался насвистывать какую-то незамысловатую мелодию.

Прошло минут пять, прежде чем входная дверь открылась. Одновременно с этим залаяла молчавшая до этого собака. В дверном проеме появился сам Аскар.

Он был крупным мужчиной из тех, кому перевалило за тридцать. У него было немного круглое, сглаженное лицо и приглаженные, черные волосы.

Аскар поприветствовал гостей, а потом провел рукой по направлению во двор, как бы приглашая их внутрь.

– Проходите.

Максат заглянул внутрь.

– А у тебя собака тут на привязи?

– На цепи, не бойся.

Балтабай тем временем уже прошел внутрь двора и шагал к дому.

Спустя каких-то полчаса после этого, они уже сидели

за столом в гостиной, в доме Аскара. Максат отметил про себя весьма неплохое внешнее убранство и чистоту комнат. В гостиной, по всей видимости, совсем недавно делали ремонт, так как обои были новыми, а побелка свежей. Мебель тоже была подобрана под стиль комнаты, она была из светлой кожи, с небольшими белыми оттенками. Максат подумал о том, что поставь сюда фортепиано, комната стала бы похожа на картинку из журнала про жизнь в дореволюционной России.

Впрочем, хозяин этой комнаты совсем не был похож на героя Чеховских произведений. Он сидел напротив Максата и задумчиво дымил сигаретой.

– Бизнес сейчас налаживается, все в полном порядке.

– А что там с тендером? – спросил Балтабай.

– Все разрешилось, – Аскар скривил губы, – конечно, пришлось побегать немного, но в итоге, все в полном порядке.

– Слушай, – начал разговор Максат, – ты вроде занимаешься нефтью?

– Ну, частично да, у меня фирма по поставкам оборудования, но сейчас еще занялся возом товаров из Китая, ну, тоже техника, станки там и все такое... о, точно, сейчас покажу.

Аскар повернулся к столу и включил ноутбук. Через минуту он уже прокручивал колесико мышки, демонстрируя сайт своей фирмы.

– Хорошие деньги, вот тут прайс-лист, – он открыл одну из вкладок на сайте, – а вот тут информация, как можно вый-

ти со мной на связь. Так что если будет необходимость, там заказ оформить, можете здесь все взять.

– Ну, меня больше интересует именно тема нефтедобывающей промышленности. Сейчас собираюсь писать статью, ищу подходящий материал, – сообщил Максат.

Аскар медленно затянулся сигаретой.

– Даже не знаю чем тебе помочь. Я же только поставками оборудования занимаюсь, а тебя, я как понял, интересует совсем другое, – проговорил он.

Максат пожал плечами:

– Я, честно говоря, сам еще не решил, что конкретно мне нужно. Просто хотел разобраться, как вся эта система работает.

– Да что тут разбираться, все предельно просто. Деньги притягивают деньги, тут, как и везде. Просто деньги гораздо выше и больше.

– Ну, это понятно, – кивнул Максат, – но каков доход государства, как развивается это дело, какие у страны перспективы и все в таком духе.

Аскар задумался.

– Развитие, перспективы говоришь? Хм... есть тут одна идеяка...

Максат вопросительно кивнул головой:

– И какая?

– Сейчас, – Аскар задумчиво закатил глаза, – хм... а что, это будет даже забавно.

– Ну что?

Аскар внимательно посмотрел на Максата:

– Мне тут пришла в голову мысль, а почему бы тебе самому временно не устроиться к британцам, в английском шуруешь?

– Да, – удивленно кивнул Максат.

– Отлично, а казахским?

– Конечно, я не понял, ты говоришь мне устроиться на работу к ним?

Аскар захохотал:

– Ага, интересная мысль, да? Насколько я знаю, им сейчас нужен хороший переводчик, я могу посоветовать через знакомых тебя. Устроишься на испытательный срок, пробудешь у них где-то с месяц, потом уволишься, ну если захочешь, – Аскар подмигнул.

– Но я окончил журфак, какой из меня переводчик?

– И вправду, – влез в разговор Балтабай, – как-то странно это все звучит. Устроиться на работу, чтобы написать статью.

Аскар пожал плечами.

– Ну, не знаю, мое дело предложить, в конце концов, ты же журналист, неужели никогда не приходилось идти на всякие безрассудства ради материала? Тем более не очень уж и плохая работенка будет. Только насчет зарплаты не знаю. Но тебе какая разница, – освоишься, вникнешь, хоть поймешь, как там все устроено. Потому что ни я, ни кто-либо другой тебе не объяснит все так, как если ты сам это увидишь.

Максат думал. С одной стороны, он вообще не представлял работы переводчика, да никогда и не думал, что на простом знании языков можно пытаться как-либо заработать. С другой стороны, это была отличная возможность, как выразился Аскар, вникнуть в суть дела. Да и, в конечном счете, что еще тут целыми днями можно делать?

Максату вспомнилась история с одним его коллегой еще с алматинских времен. Тот получил «заказ» на одного крупного чиновника, после чего не нашел ничего лучше, чем пойти напролом, дать жертве взятку, а потом разоблачить его в статье. Официально тому журналисту ничего не сделали, впрочем, как и чиновнику, который предпочел благоразумно не доводить дело до суда, иначе вскрылся бы сам факт взятки. Неофициально же, журналист получил сотрясение мозга, сломанные кисти рук и два месяца лежал в больнице.

Но Максат к нему жалости не испытывал, как говорится – сам виноват. И дело тут было даже не в статье, а в «заказе». Сам Максат никогда не промышлял подобным и считал это очень низким, недостойным уважающего себя человека занятием. Работа журналиста должна быть открытой и справедливой, хочешь разоблачить чиновника, – пожалуйста, только не надо при этом ни у кого брать «заказ». Журналист должен понимать, что он ответственен в первую очередь за доверившихся ему людей. К сожалению, большинство коллег Максата по работе, придерживались иной точки зрения на профессию журналиста, по сути дела, стирая грань

между второй древнейшей профессией и первой.

Тот случай был единственным, который вспомнил Максат, когда журналист для сбора материала «вживался в роль». Подобное случалось редко, а если даже кто и писал в статьях, мол «пришлось временно устроиться продавцом, чтобы ощутить все тяготы жизни», или «вместе с простыми предпринимателями пытался оплатить новый налог на имущество», то в 99% случаев это был вымысел, а текст составлялся, не выходя из дома или, в крайнем случае, на основе интервью какого-нибудь очевидца.

Но вот, перед ним предстал вполне реальный выбор.

– А там как... нужно собеседование пройти, или что? – спросил Максат.

– Ага, – кивнул Аскар, – завтра и пройдешь. Или у тебя планы?

– Нет, планов нет, – покачал головой Максат.

– Хорошо, тогда я предупрежу их, что ты придешь.

«Вот все и решилось», – подумал Максат. Хотя это еще не значило, что он теперь сразу пойдет на работу, как ни крути, его еще могут не принять.

– Я, как только поговорю с ними, тебе позвоню, скажу, во сколько идти, – предупредил Аскар.

– Только звони заранее.

– Ну, это само собой, – Аскар кивнул.

Они еще какое-то время сидели у Аскара, а потом Балтабай повез Максата к себе в контору. Она находилась побли-

зости от авторынка и представляла собою двухэтажное здание с несколькими гаражами, расположенными неподалеку.

Долго задерживаться Максат не стал и через час выехал уже на взятой у Балтабая «камри». Остаток дня он провел, оформляя доверенность, а затем регистрируя ее в ГАИ.

Домой Максат возвращался в одиночестве, осторожно ведя машину и стараясь не заплутать в этом, хоть и знакомом, но совершенно изменившемся для него городе. Периодически он оглядывался по сторонам, особенно когда проезжал по знакомым ему местам. В целом жизнь города ничем не отличалась от жизни других провинциальных городов страны. Слишком медленная и достаточно обыденная, чтобы можно было задумываться о ней. Но, по правде говоря, и живя в мегаполисах, люди не часто задумываются о дне сегодняшнем.

Максат вспомнил, как еще в студенческие годы приклеил на шкафу бумагу со словами: «Проснулся? Подумай о том, что намерен сегодня сделать!». Он постоянно забывал о текущих делах и о намеченных на день планах. Предполагалось, что каждое утро он будет вспоминать, что было запланировано на день. Так оно и вышло, но со временем у этих слов появился второй смысл, подтекст, которого он вначале не замечал. И, стоя утром перед шкафом, перебирая в уме планы на день, он начинал чаще размышлять о необходимости выполнения всего запланированного.

Ему все чаще начинало казаться, что он живет по заранее написанной программе, что все его действия также заранее

запланированы и тщательно расписаны. Это начинало тяготить его. В итоге он оторвал бумагу от шкафа, но иногда эта фраза всплывала вдруг в памяти, а вместе с ней возникал банальный вопрос: «А что дальше?».

В этот раз Максат тоже спросил себя: «Что дальше?».

Зачем все это нужно? И так ли тебе нужна эта работа? Необходимо ли было бросать все и бросаться стремглав в никуда?

Но ответа на эти вопросы у него не было.

Хотя с другой стороны, так ли нужны были ему эти ответы? Ему казалось, что это и есть подлинная свобода, когда ты можешь бросить все и пойти туда, куда ты сам захочешь. Это придает ощущение свободы, в первую очередь свободы от самого себя. Не нужно планировать что-то заранее, нужно просто идти вперед.

Максат остановился у газетного ларька и, выйдя из машины, купил несколько образчиков местной прессы. Всегда было интересно читать о новостях «районного» значения, тем более что иногда попадались действительно интересные статьи. Максат отложил их в сторону, решив, что прочитает все дома, все равно ему будет нечем себя занять в этот вечер.

Когда Максат доехал до дома, он был уже в приподнятом настроении, день выдался достаточно продуктивным. Он встретился с Балтабаем, договорился с Аскарком. Кое-что прояснилось по поводу статьи. Остаток дня он решил посвятить написанию романа.

«Хватит уже лентяйничать, не для этого сюда приехал», – сказал он самому себе.

Но сразу сесть за написание книги не получилось, дома Маржан-апа практически «заставила» его выпить чаю, а затем он, решив «немного полистать» местную прессу, с головой погрузился в чтение на несколько часов. По большей части он с улыбкой вспоминал, как сам работал в редакции городской газеты и сам писал вот такие статьи про повышение цен на продукты и про жилищные проблемы отдельных семей.

Наверное, в этом и заключался подлинный труд журналиста, писать не о том, что интересно тебе, а о том, что будет интересно читателям. Если журналист пишет «под себя», то это становится для него скорее увлечением, чем настоящей работой. Настоящий же труд журналиста как раз в вот таких беспристрастных статьях.

Как можно придать интереса статье, посвященной проблемам ремонта в школах города? Вот это уже задача. Ты журналист, – ты и думай.

Но порой Максату казалось, что такие мысли посещают только его одного. Ни намек на понимание среди коллег он не наблюдал. Как раз один из его коллег по редакции высказался о нем, как «о талантливом, но слишком подверженном максимализму» человеке.

Максат, наконец, заставил себя заняться написанием романа. Очередная глава писалась медленно, и он то и дело

останавливался, чтобы перечитать написанное. Ему в голову пришла мысль, что было бы неплохо дать почитать кому-нибудь черновик, – посторонняя критика ему бы не повредила.

Еще через час пришел Мурат Мурзаевич, Максат ненадолго вышел из своей комнаты, чтобы поприветствовать его. Тот как-то странно посмотрел на Максата, а потом тихо прошмыгнул в свою комнату.

«Странно, это вчерашний разговор на него так повлиял что ли?» – подумал Максат. Но долго гадать над странным поведением квартиранта не пришлось, так как вскоре пришла Жанара, которая спустя какое-то время заглянула в комнату к Максату и, как бы между прочим, отметила:

– Я, кстати, этому дядьке дала экземпляр твоей «Противофазы».

Максат хмыкнул.

– И зачем?

Она пожала плечами:

– А что такого, книга как книга. Только боюсь, он тебя теперь расспросами замучает, так что готовься.

– Да я всегда готов, были бы еще вопросы по существу. Как там твоя практика? – спросил он.

– Нормально, это действительно интересно.

– А не скучно в городе?

– Скучно? Да нет, что ты. Нет времени скучать, я же сюда не отдыхать приехала.

Максат усмехнулся.

– Ну, во-первых, ты приехала не по своей воле, насколько я помню особого желания сюда ехать, у тебя не было, а во-вторых...

– Откуда ты знаешь, может, я изменила свое мнение? – Жанара хитро улыбнулась, – может, мне понравилось тут?

– Это как раз подходя к тому самому «во-вторых», а во-вторых, зная твой характер, я могу с уверенностью сказать, что особой радости от пребывания здесь ты не испытываешь, – твердо произнес Максат, – я прав?

Жанара вздохнула и похоже сдалась.

– Ну ладно, дядя. С тобой спорить бесполезно, скучно тут – не то слово, спасает только Интернет.

– А у тебя знакомых тут разве не было?

– Да я тут особо и не жила, а старые знакомые давно разъехались кто куда, так что...

Максат кивнул.

– А одной гулять не хочется?

– Да я никогда не гуляю, – Жанара возмущенно покачала пальцем. – Нет времени, вся в учебе.

– Ну да, – Максат улыбнулся.

– А как насчет твоей статьи? Материал собирать начал? – спросила Жанара.

Максат неопределенно махнул рукой.

– Как сказать, вот, завтра иду на собеседование к англичанам.

– Ого, это ради статьи?

– Ну да, – Максат засмеялся, – самому смешно.

– Впервые вижу такого журналиста, – честно призналась

Жанара.

Максат вспомнил недавние мысли и пожал плечами.

Глава 4

Испокон веков, свободным и независимым был народ, живший на просторах Средней Азии. Не могли покорить его ни древние персы, ни войско Искандера Великого, лишь только перед безжалостным Чингисханом распахнула двери великая степь. Этот завоеватель был беспощаден, как к своим врагам, так и друзьям. Все последующие правители перенимали его опыт.

Чингизиды, составлявшие верхушку феодальной знати, никогда не отличались милосердием. Однако воспитание быстро взяло вверх. Сын Чингисхана Джучи настолько полюбил кыпчакскую землю, что пошел против воли отца и вскоре умер, в результате «несчастливого случая». Но степь околдовала не одного его, все его потомки, будучи ханами Золотой Орды, всячески стремились к величию своей новой родины.

Надо сказать, что исконных монголов, которые вторглись в евразийскую степь вместе с Чингисханом, было ничтожно мало. По сути, на каждого монгола приходилось около 6—7 местных джигитов. Но в то время многочисленные племена были разрознены и разобщены. Остатки Великой Тюркской Империи погрязли в междоусобицах и дележе пастбищ. Этим и воспользовался «потрясатель вселенной», он повел свое войско вперед и ни щадил никого на своем пути.

Именно он заложил основы того войска, модель которого использовалась на протяжении многих веков после него. Десять воинов подчинялись одному десятнику, – онбасы, а десять онбасы одному сотнику – жузбасы. Десять сотников подчинялись одному тысячнику – мынбасы, а во главе десяти тысячников стоял один темник. Кровью скрепил Чингисхан дисциплину своего войска, если бежал один, убивали весь десяток, к которому он принадлежал. А если бежал весь десяток, то убивали всю сотню. Все свои законы Чингисхан сохранил в своих Яссах. И именно так разделяли свои войска все последующие поколения, жившие в степи.

Именно об этом размышлял Еламан, сидя у каменистого обрыва и глядя на верхушки проступающих деревьев. Уже далеко был он от места своего пленения. Он бежал весь день, карабкался все и выше, пока, наконец, не дошел до небольшой расщелины в горах. Именно там он и уснул.

Он правильно рассчитал, что в голой степи его быстро нагонят. Он же рассчитывал выиграть несколько дней, пройдя через горы. Здесь у его преследователей не будет никакого преимущества, которое им давали кони. Еламан был уверен, что Арзар не успокоится, пока не нагонит его. А это значило, что рано или поздно, Еламану придется вступить с ним в поединок. За годы побоев и тяжелой работы, тело Еламана покрылось многочисленными шрамами и стало твердым как камень. Еламан почти не чувствовал боли, усталости. По ночам, сидя в юрте для рабов он тщательно размышлял над

теми приемами, которые использовали в своих тренировках Арзар и Менгу. Он переигрывал их в своих мыслях, иногда он вставал и, взяв в руки палку пытался воспроизвести их. Это было почти невозможно, ведь у него не было наставников, но главным его учителем было время.

Годы, проведенные в плену, не прошли для Еламана бесследно. Он смотрел и запоминал, он разговаривал с другими пленниками и выучил джунгарский язык. Вместе с ним в рабстве сидел старик, который иногда занимался с детьми Бортала. По вечерам в юрте для рабов старик рассказывал Еламану о разных эпизодах истории Великой степи. Именно от него Еламан узнал подробности о походах Чингисхана – «потрясателя вселенной», об эмире Тимуре, который в своих походах доходил до черных земель, где с неба падает пепел. Иногда Еламан попадал и в юрту самого Бортала, когда он приносил туда воду или приходил с какими-нибудь мелкими поручениями. Тогда он видел Арзара и Менгу, изучающих тактические основы и азы стратегии на войне. У них были небольшие фигурки из дерева, и учителя, а иногда и сам Бортал объяснял им правила ведения боя. Еламан знал джунгарский язык и иногда слушал их, но, конечно же, недолго.

Впрочем, тех, кто бежал, было мало. К тому же их всех ловили и жестоко карали. Но Еламан, будучи по природе своим истинным сыном степей, тянулся к свободе. Он тщательно обдумывал план своего побега, и пришел к выводу, что необходимо идти через горы. Позже у него появилась воз-

возможность обследовать склоны горных холмов. Летом его отправили пасти скот, он целыми днями бродил вокруг, пытаясь лучше изучить местность. Он думал о том, что горы, подобно человеку, имеют свою душу. Кому-то они благосклонны и могут помочь, а кого-то способны убить. Еламан пытался понять нечто глубокое, которое он, казалось, видел в этих горах.

Однажды он наткнулся на небольшую пещеру. Она была неглубока, в ней могло поместиться несколько человек. И Еламан вошел внутрь. Не было никаких следов пребывания зверя, но что-то подсказывало, что некто уже был тут. И вскоре он обнаружил скелет мертвого воина. Его одежда давно истлела, было похоже, что он умер в борьбе. Еламан стал искать что-нибудь, что могло бы помочь ему бежать. Но все вокруг было пустым, не было никакого оружия, не было ничего. Совсем отчаявшись, Еламан повернул было к выходу, но вдруг увидел в песке бледноватый блеск ржавой стали. Это был обломок меча. Видимо этого воина кто-то настиг, в бою сломал его меч и зарубил его самого, забрав все самое ценное.

Обломок был совсем небольшим, это был верхний край какого-то меча. Еламан забрал его с собой. Он отчистил сталь от ржавчины, тщательно обточил ее. Из куска дерева он сделал удобную рукоятку и обмотал ее тканью от собственной рубахи. Так он сделал себе небольшой кинжал. Больше всего он боялся, что его оружие найдут, и тогда его мог-

ли убить. И он прятал свое оружие с такой тщательностью и предосторожностью, что вряд ли кто бы нашел его, даже если бы знал, что нужно искать.

Он изучил возможные приемы владения кинжалом. Тут емугодились уроки его отца, которым он учил его давным-давно.

Еламан хотел убить только одного человека – Бортала. Но он не мог это сделать, пока вокруг находились многочисленные сарбазы и нукеры. Да даже если бы их не было, Бортал никогда не расставался со своим клычом, и был способен зарубить Еламана одной рукой. Но рискнуть надо было, ведь чем больше времени проходило, чем старше Еламан становился, тем больше росла вероятность, что его очень скоро продадут в рабство в Китай, на угольные шахты, где люди умирали в первую же неделю.

И Еламан стал ждать подходящей минуты.

Скоро подходящее время подошло.

Пять лет он провел в джунгарском плену. И вчера он впервые вырвался на свободу. Он бежал вперед как пес, сорвавшийся с цепи. Он бежал прочь, все дальше в горы. Он знал, что за ним уже идут люди Бортала. Но он надеялся оттянуть момент своей смерти как можно дальше. Здесь кони не дадут им преимущества. Еламан старался подняться как можно выше, но слишком далеко уйти он не смог. Даже здесь его тело пронизывал дикий холод. А ближе к вершине его ждала бы смерть. Но надеялся ли он выжить?

Он старался не думать об этом. У него был меч и если ойраты его нагонят, то он будет драться до последнего.

Он отпил воды и поднялся. Надо было идти. Если Арзар взял с собой собак, то они быстро его найдут. Единственным преимуществом Еламана была сама местность, горы это не пустая степь. План своего побега он продумал до мелочей.

Человек, рожденный в степи, свободен от рождения. Еще будучи младенцем, он впитывает с молоком матери вековую свободу своей земли. Потому что степь тоже, подобно матери, возвращает своих сыновей с любовью к свободе. За эту свободу джигит отдаст жизнь. Каждый день в неволе убивает его душу.

Не может кочевник жить в неволе! На протяжении всей своей истории казахские племена были вольными кочевниками, они не терпели над собой никого. И раз за разом войска персов, македонцев, китайцев уходили с этих земель прочь. Как можно заковать в цепи саму свободу? Это все равно, что пытаться погасить солнце. Лишь только Чингисхану отворила дверь Великая Степь. Но только потому, что он был братом по крови, таким же свободным кочевником с евразийских степей.

Поэтому джунгары не смогут победить. Еламан был в этом уверен. Каждый раз, как они будут собирать свое войско, казахские джигиты будут отбрасывать их назад. У ойратов нет никаких шансов на победу. Они могут выиграть битву, но они никогда не выиграют войну.

Высоко в небе летел беркут.

Еламан поднял глаза и заврожено следил за полетом птицы. Ему казалось, будто она и есть сама свобода. Эта птица – символ воли. Она летит и окидываем взором степные просторы, ничто не может укрыться от ее взгляда. Горы, холмы, степи, люди, они для нее лишь маленькие точки где-то там, внизу. Еламану хотелось стать вот таким же беркутом. Лететь высоко над землей и ощущать свободу. Еламан подошел к небольшому роднику. Небольшая щель в горах образовывала нечто наподобие маленькой речки. Еламан наполнил бурдюк и отпил из нее воды. Он пил жадными глотками, как будто пытался урвать последние капли свободы перед смертью. Но он, конечно, не хотел умирать. Он хотел жить, вернуться назад и до последнего сражаться за свободу своей земли.

Он взглянул на свое отражение. В мутной воде он увидел бледное, измученное лицо. На лбу у него виднелся след от ойратского клейма. С возрастом ожог померк, но Еламан твердо решил, если ему и суждено умереть, то умрет он свободным до самого конца. Он взял кинжал и, тщательно вглядываясь в свое отражение, полоснул себя лезвием по лбу. Струйка крови потекла вниз, чтобы она не мешала, он наклонился еще ниже. Аккуратно и не спеша, он принялся срезать кожу со лба. Он не чувствовал боли, вместо этого его тело наполнилось опьяняющим состоянием свободы. Он перестал быть рабом, он снова стал Еламаном.

Теперь на лбу у него красовался кровавый шрам, как будто от касательного удара ятагана. Он промыл рану и, разорвав свою рубаху, обмотал ею голову, предварительно сделав из лоскутков компресс.

Еламан поднялся на ноги. Он избавился от последней вещи, что связывала его с прошлой жизнью.

Горные тропы переплетались воедино причудливыми узорами из камней. Мелкие камни мешали подъему. Чтобы идти вверх, Еламану приходилось сгибаться почти до колен, каждый раз рискуя упасть вниз. Но это его не останавливало.

Солнце уже начало склоняться к закату, когда у Еламана кончилась вода. Из-за этого подъема им быстро овладела жажда. Он дошел до небольшого выступа и сел на сырой камень. Нет, поблизости не было ни малейших признаков воды. Невольно ему вспомнилось, как пытали безымянного раба, который по неосторожности пролил воду на одного из родственников Бортала. Несчастливого пленника избили до полусмерти, а потом бросили в яму. Там его продержали день, а потом принесли ему куски жирного бараньего мяса. После водянистых похлебок, эта еда показалась рабу божественной. Когда он ее съел, ему захотелось пить. Но никто не принес ему воду. Так прошел еще один день. Несчастный стонал сидя в своей темнице. Еламана не знал, сколько времени прошло, пока раб окончательно не умер от жажды.

Но сейчас совсем другая ситуация, он уже не в плену. Он на свободе и у него есть руки и ноги. А это значит, что надо

идти, возможно, он наткнется на родник. И с этими мыслями он поднялся. Он попытался поддаться вперед, но тело его не слушалось. Окончательно замученный долгим переходом и голодом, он был не в силах идти дальше.

Но он должен был.

Подгоняя себя мыслями о том, что сделают с ним, попадись он живым, Еламан заставил себя идти. Он пересек небольшую каменную площадку, здесь склон шел вниз. Спускаться надо было очень осторожно, иначе можно было разбить себе голову.

Кровь от шрама на лбу стекала вниз, мешая Еламану сосредоточиться. Он начал спуск, осторожно хватаясь за камни. В этот момент он напряженно думал о том, что, возможно, он вновь сумеет ступить на родную землю. Вдохнуть аромат степной полыни, почувствовать на губах ее вкус.

О чем думают ханы, когда собирают своих сарбазов на войну? Мечтают ли они о славе или думают о благах, которые получит их народ? А может быть и то и другое? Но разве они не понимают, что тысячи людей погибнут и тысячи матерей будут плакать ночами, осознавая, что их сыновья не вернуться?

Но нет, им нужна лишь личная слава. Им нужно величие, понимание того, что нет им равных на земле. Искандер, Чингисхан, а теперь и Баатур, они не считаются с жизнями людей. Но кто же тогда они? И сколько должно пройти еще войн, прежде чем человек осознает ошибочность сво-

их убеждений? Сколько еще будет вот таких убийц как Бортал и кровавых безумцев хунтайши? Еламан был уверен, что в будущем ничего не изменится.

Лежа в палатке для рабов, Еламан часто думал о несправедливости судьбы. Почему кто-то всю жизнь страдает, а кто-то упивается властью? Разве ненависть и дикая сила правят миром? Но ведь его самого учили с детства почитать Аллаха, не совершать злых поступков. Почему же тогда убийцы торжествуют, купаясь в крови своих жертв?

И он пришел к выводу, что кровь можно смыть только кровью. И если черная тень пришла на твою землю, то ты должен, взяв в руки оружие, сражаться до последнего вздоха.

Нет, он не верил, что после смерти убийцы будут наказаны. Возможно, потому, что он увидел ад, не умерев. И в этом аду правили люди наподобие Бортала. Теперь же Еламан был свободен, и он жаждал только одного – мести.

Когда он вспоминал свой внезапный побег, он никак не мог поверить в то, что это ему удалось. Это казалось каким-то нереальным, совсем фантастичным, но он это сделал. Он бежал, оставив за собой мертвое тело человека, который издевался над ним все эти годы. Еламан думал о свободе каждую минуту, каждую секунду своей жизни в плену. Когда его заставляли пасти скот у подножия гор, он мог часами изучать местность, рассматривать каменные контуры, так похожие на человеческие лица. Именно там, в этой холодной и чужой стихии, этом мертвом каменном царстве он

и нашел кинжал. С тех пор, как у него появилось оружие, он стал искать удобный случай, чтобы использовать его по назначению.

Но дни текли медленно и ничего не менялось. Его заставляли делать обыденные хозяйственные дела, иногда его подзывал кто-нибудь из свиты Бортала, чтобы ударить палкой или сорвать на нем свою злость. Но чаще на него просто не обращали внимания. Несколько пленных устроили побег, их нагнали в степи, после этого Еламан понял, что нужно искать другой маршрут. С бежавшими пленными поступили «милостиво», их просто зарубили Арзар и Менгу, оттачивая свое мастерство владения оружием. Несколько раз Еламан видел въезжающего Дракона, на своем гигантском коне. Это чудовище, не удостоив никого из рабов своим вниманием, проследовало куда-то вглубь селения.

Потом Бортал исчез. Он уехал с несколькими толстыми стариками, Еламан предположил, что это были одни из местных баев. Еламан хотел воспользоваться этим обстоятельством и бежать, но охрана усилилась. Джунгарские сарбазы зорко следили за рабами, как будто знали все замыслы последних.

И снова мучительные дни ожидания. Еламана охватывало отчаянье, он не мог выждать нужного момента, и ему стало казаться, что он навеки заперт в этом плену, в постыдном рабстве. Хотя он также понимал, что рано или поздно его убьют, а будет ли это напившийся кумыса джунгарский сар-

баз или решивший потренироваться Менгу, – никакой роли не играло.

И вот, когда через пару месяцев Бортал вернулся, Еламану показалось что время подошло. Кара-Бортал провел несколько недель в своем лагере, после чего разбил своих людей на две группы. Первая под командованием Менгу и Драконом вскоре покинула ставку. Сам Бортал вместе с сыном Арзаром и небольшим числом воинов остался в лагере, по всей видимости, планируя выехать через несколько дней. Это был идеальный момент, для того чтобы совершить задуманное. Правда, Еламан пока не знал, как это сделать.

Бдительность охраны уменьшилась. Воины были по большей части встревожены предстоящим походом, они ходили, погрузившись в свои раздумья и почти не замечая происходящее вокруг.

И Еламан принял твердое решение. Все произошло слишком быстро, чтобы кто-то успел осознать произошедшие, включая самого Еламана. Дождавшись пока нукер отойдет, пленник ворвался в юрту Бортала. Тот сначала решил, что Еламана послали что-то передать, или сказать, но Еламан не вымолвил ни слова. Юрта Бортала была огромной, внутри все было в коврах и покрыто дорогой тканью. Жены этого чудовища не упускали ни одной возможности купить что-либо у китайских торговцев. К слову, юрта, в которой Бортала застал Еламан, принадлежала старшей жене. Все получилось как нельзя более удобно, Кара-Бортал обедал за столом, раз-

мышляя о чем-то своем. Еламан быстро подскочил к нему, в следующий момент он вонзил лезвие своего кинжала в шею человеку, который разрушил его жизнь. Тот еще пытался что-то сделать, хотел встать, но, наконец, обмяк и бесформенной тушей упал, окрасив ковер в красный цвет.

Еламан подскочил к сундукам. На них весели замки. Времени не хватало. Лихорадочно размышляя, Еламан стал обыскивать труп Бортала.

«Быстрее! Быстрее!», – подгонял он себя. Наконец на поясе он нашел то, что искал. Плотное кольцо с кучей ключей.

У Еламана было слишком мало времени, он быстро стал вскрывать сундуки, пытаясь найти меч, тот самый, который Бортал отнял у его отца. Наверняка, он держал его где-то тут. Еламан перевероршил все, его охватила паника, время шло. Его могли в любой момент застать вместе с трупом Бортала и тогда его ожидало нечто пострашнее смерти.

Но что же он испытал? Очень важным для нас являются именно его чувства, ведь это был первый человек, которого он убил. Лишил жизни, намерено ударив кинжалом. Что же произошло внутри него? Как бы удивительно это не звучало, но он не испытал ровным счетом ничего – ни раскаяния от содеянного, ни радости от мести. Все это он уже проделывал сотни, а то и тысячи раз – в своих мыслях. Он раз за разом убивал Бортала, – когда после побоев он лежал полуживой на дне ямы, когда ему выжигали лоб, когда на его глазах провинившихся рабов превращали в манкуртов. И когда

пришло время убить Бортала по-настоящему, рука Еламана не дрогнула, а внутри ничего не перевернулось. В конце-концов, он давно хотел этого. Он даже не боялся того, что его могут поймать и убить.

Нам сложно винить его в расчетливости или хладнокровии. То, что ему пришлось пережить, так изменило его представления об окружающем, что в его душе не осталось больше ничего от человеколюбия или сострадания. Там же, где от твоей силы зависит твоя жизнь, в человеке просыпается зверь. Люди лицемерны по своей сути, мы, сидя в тепле у домашнего очага, осмеливаемся осуждать людей, доведенных до отчаянья. Разве виновны те люди, которые родились в странах, где беспрерывно шла война? И может ли человеческое общество брать на себя роль судей в подобных случаях? Никто не берет в расчет те события, которые послужили причиной агрессии.

На протяжении всей своей истории люди вели войны. Боролись за землю, боролись за имущество, за власть. Невозможно перечеркнуть свою сущность, загнать зверя в клетку и лицемерно заявить, что это чуждо природе человека. Тот, кто не поймет всей сути войны, не сможет понять всей красоты жизни.

Еламан не остановился на ночлег, в крошечной тьме он продолжал идти вперед, рискуя в любой момент сорваться вниз. Он сильно ослаб и чувствовал, что если не поест, то просто упадет, предоставив себя на милость пре-

следователей. Еламан опустился вниз, на нижние уровни горы. Небольшие кустарники были единственным, что он в качестве материала, имел под рукой. Он срезал кинжалом несколько наиболее упругих веток и на скорую руку сделал некое подобие лука. В качестве острия для стрел он использовал небольшие камни, которые отлично подходили по форме и размеру.

Бурдюк с водой был пуст. Еламан хотел пить, но более всего его одолевала усталость. Он взобрался на небольшой холм и стал просматривать расщелины. Наконец, на каменную площадку приземлился ворон. Еламан выпустил стрелу, но в момент выстрела лук рассыпался. Птица улетела. Еламану пришлось вновь спускаться вниз и собирать еще один лук, на этот раз он постарался сделать его как можно более прочным.

Перед глазами у него все плыло. Он отполз к небольшому каменному углублению и постарался передохнуть. Если бы его сейчас нашел Арзар, то Еламан не оказал бы никакого сопротивления. Но его никто не обнаружил.

Еламан даже не знал, сколько человек сейчас идут по его следу. Наверняка, около десяти, не более. Почти все люди отбыли вместе с Драконом и Менгу, остались лишь телохранители Бортала и несколько пожилых джунгар. Много народу Арзар взять в погоню не мог, они бы замедлили путь. Но и малое количество воинов для погони не подходило. Арзар любил перестраховываться, он бы взял максимальное ко-

личество людей, которое не замедляло бы погоню. А это человек десять. Все они хорошо вооружены и жаждут мести. Какие у Еламана могут быть шансы? Нет, далеко убежать он не мог, единственным выходом было остаться и принять бой. Он должен был дожидаться преследователей.

Но нет, они не дадут ему умереть. Он приведут его живым и будут мучить, так долго, насколько это можно. Значит, он должен опередить их, перебить всех до одного. Еламан поднялся. Шанс был, конечно, фантастический и почти неосуществимый, но он был.

Еламан нашел небольшую расщелину в горах, довольно узкую, чтобы затормозить группу воинов. Мысль о том, что у него есть возможность выжить, придала ему сил.

Ближе к вечеру – все было готово.

Арзар продвигался вперед настолько быстро, насколько мог. Он взял с собой восемь человек, из числа нукеров его отца. Весь о смерти самого близкого ему человека застигла его врасплох. В первые минуты он не понимал, что делать, дав волю своей ярости. Он хотел пуститься в погоню незамедлительно, один, и самолично убить этого раба. Но на смену ярости пришло холодное спокойствие. Он собрал достаточное количество людей и помчался вперед. Арзар потерял какое-то время, тщетно пытаясь обнаружить следы бегства, и только потом понял, что «эта тварь» бежала через горы.

Они оставили коней внизу и направились вверх. Очень быстро они обнаружили следы и вот, уже второй день они

шли вслед за Еламаном.

Прежде чем броситься в погоню, они хорошо вооружились. Вместе со стрелами они взяли несколько мушкетов, много провизии и воды. Все воины были хорошо экипированы и полны решимости. Весь путь Арзар обдумывал, что он сделает с этим беглым рабом, когда поймает его. Наконец он решил, что четвертование будет самым отличным способом мести.

Эти горы... они чем-то пугали Арзара. В этих безмолвных, скалистых лабиринтах он чувствовал себя пленником. У гор были свои правила и свои хозяева, которые не любили чужаков. Эта стихия принадлежала не людям, а горным духам, что обитали тут. Если ты их враг, – они поглотят тебя.

Кочевники всегда испытывали трепет перед неведомым. Степь была их домом, и когда они покидали ее, то теряли ту силу, которая подпитывала их. Но стоит кочевнику вновь взобраться на коня и встретить в голой степи врага, то будьте уверены, ему не будет равных. Сама земля будет на его стороне.

Но мысли о горах быстро прошли, и Арзара вновь охватила ярость. Мечь – одно из самых древнейших чувств. Не только человек подвержен ему, дикие звери тоже мстят, пытаясь хоть как-то восполнить брешь от потери близкого существа. Но у человека все куда сложнее. Человеческий разум порой превращает мечь в единственную цель существования. Арзар сейчас чем-то походил на Еламана. Только его

чувство мести не было закалено годами рабства, его чувство мести еще не окрепло, не превратилось в цель, а было лишь кратковременной вспышкой.

Арзар огляделся.

Они остановились у небольшого ручья.

– Что там? – нетерпеливо спросил Арзар.

Старый воин Шоргын, нагнувшись, рассматривал землю.

– Он был здесь, наполнил флягу и омыл раны.

– Как давно это было?

Шоргын несколько секунд молчал, напряжено что-то обдумывая.

– Где четыре-пять часов назад.

– Значит, он не мог уйти далеко. Он совсем близко! – ликующе провозгласил Арзар.

Шоргын поднялся.

– Практически – да, отсюда ведут две тропинки. Но я могу сказать точно, по какой он ушел.

– Каким образом?

– Он, несомненно, устал, а одна из тропинок подымается вверх и идет через каменные нагромождения. Он не пойдет этой дорогой, он выберет более легкий путь, вот эта дорога, – Шоргын указал рукой, – ведет в том же направлении, она более прямая и безопасна.

Арзар посмотрел в том направлении, куда указывал следопыт.

– Нам нужно быть уверенными точно!

– Если мы пойдем по этой тропинке, то рано или поздно найдем его следы. Я ручаюсь в этом.

Арзар оглядел воинов.

– Тогда вперед!

Горная дорога привела преследователей к небольшому плато. Арзар остановил группу, преследователи перевели дыхание и напряженно вгляделись в небо.

– Начинает темнеть, – проговорил молодой нукер, – прошлую ночь мы шли, не смыкая глаз, в эту нам нужно передохнуть.

Арзар яростно взглянул на говорившего.

– Пока мы его не догоним, не будет никакой передышки!

– Но мы устали, у нас просто не будет сил, – вмешался

Шоргын.

– Неужели у восьми воинов не хватит сил, чтобы остановить одного раба? – Арзар усмехнулся, – нет, никаких остановок.

– А если он останавливается?

– Тем лучше для нас, мы его нагоним быстрее.

Войны, следовавшие за Арзаром, переглянулись.

– К чему такая спешка, он все равно от нас не уйдет. Мы его в любом случае нагоним, – сказал толстый пожилой нукер.

Арзар нервно прикусил губу.

– Вы что, не хотите отомстить за смерть вашего господина?

Шоргын вздохнул:

– Мы хотим отомстить, но для этого нам нужны силы, нам нужно вздремнуть хотя бы несколько часов.

– Мы отстанем от него.

– Ничего, мы его все равно нагоним, если он также остановится на ночлег, то отрыва не будет.

– А если нет? – спросил Арзар.

– Тогда он будет совсем без сил и только ускорит поимку.

Арзар замолчал. Внутри него кипела ярость, но он старался сдерживать себя, он понимал, что он пока никто. Хотя его отец и был вождем рода, смерть отца не делала безоговорочным наследником его. Должна была пройти символическая процедура, которая заняла бы определенное время.

– Хорошо, – наконец согласился Арзар, – мы остановимся на ночь. Но не сейчас, пока еще не стемнело, мы должны поднажать и попытаться сократить расстояние.

Группа продолжила прокладывать себе дорогу через горы. Они поднялись к небольшой возвышенности, откуда открывался более подробный вид на местность. Спуск был медленный и Арзар был зол оттого, что они потеряли много времени. Далее путь проходил через ущелье.

Острые каменные зубцы обрамляли коридор из песка и гальки. Воины ускорили шаг, хотя амуниция стала заметно давить на них.

Шоргын догнал Арзара:

– Надо быть настороже.

Арзар вскинул бровь:

– Что-то случилось?

– Земля дрожит, скоро будет кровь...

– Ты о чем?

– Не могу объяснить, просто у меня плохое предчувствие, как будто... что-то должно произойти.

Арзар взгляделся в лицо собеседника, а потом неуверенно кивнул.

– Хорошо... давайте ускорим движение.

Воины перешли на легкий бег. Шоргын весь путь молчал, пытаясь услышать что-то, ведомое лишь ему. Когда они уже почти подошли к выходу из ущелья, к небу вспорхнула стая птиц.

– В укрытие!

Голос кричавшего принадлежал Шоргыну. Арзар попытался взглянуть в его сторону, но в этот момент затряслась земля. Им хватило и мгновения, чтобы понять, что начался обвал.

Арзар кинулся вперед, пытаясь в последнем рывке выбежать из этой ловушки. Нескольких воинов позади него расшиб камень. Остатки группы выскочили наружу. Арзар в смятении и растерянности огляделся вокруг, рядом с ним стояли двое, еще один нукер, тяжело дыша, сидел на земле. Остальные, похоже, были более бесполезны, – со стороны ущелья доносились стоны раненых.

Арзар поднял голову и увидел стоящую на холмистой воз-

вышенности фигуру Еламана.

– Это он! За ним!

Он попытался было тронуться с места, но его схватил за руку один из нукеров.

– Надо помочь раненым.

– Мы им поможем, но сначала поймаем этого раба... потом вернемся!

Нукеры переглянулись, но видя, что Арзар кинулся в погоню, побежали за ним.

Еламану стоило больших трудов столкнуть камни, он надеялся ранить и остановить всех своих преследователей, но не рассчитал нужного момента. Он видел, как четыре фигуры кинулись к нему, у него не было времени на раздумья, и он бросился бежать. На этот счет он не предусмотрел ничего, единственным шансом было растянуть всех преследователей и попытаться уничтожить их по одному.

В груди бешено заколотилось сердце и в ослабшем, казалось, теле, появились новые силы. Еламан бежал в другом направлении, этой дороги он не знал, но подспудно надеялся обнаружить что-то, что могло ему помочь.

Преследователи сокращали расстояние. У Арзара даже промелькнула мысль, попытаться выстрелить Еламану в ногу, чтобы остановить того. Но он знал, что и так догонит раба. Он чувствовал, что лишнее оружие сковывает его движения, не останавливаясь ни на секунду, он выкинул в сторону сначала колчан со стрелами, а затем и сам лук. Но эта мера

не сильно помогла, тяжесть все равно давила на него и мешала бегу.

Местность была неровной, камни давили на ступни ног. Еламан добежал до небольшого обрыва. Скала в этом месте дала трещину, которая со временем растянулась и образовала длинную яму. Возможно, здесь когда-то была вода, а может это была работа ветра, который здесь часто бушевал.

Другой дороги не было. Еламан огляделся назад, фигуры преследователей становились все более отчетливыми. Он отошел назад и попытался сосредоточиться. Мысли пронеслись одна за другой, что если он не допрыгнет? Не лучше ли принять бой, чем рисковать, не зная наверняка?

Но нет, Арзар не позволит ему умереть в бою. Он будет мучить его, он сделает все, чтобы Еламан подольше жил.

Другого пути не было. Если бы Еламан в тот момент не прыгнул, то все дальнейшее повествование пошло бы другим путем.

Арзар остановился, приблизившись к обрыву. На той стороне пытался отдышаться Еламан. Арзар потянулся за луком, но вспомнил, что выкинул его, когда бежал. Его охватила ярость. Он обреченно смотрел, как убийца его отца подымается и продолжает бегство. Надо было прыгать за ним.

Через несколько мгновений к Арзару подбежали нукеры.

– Он на той стороне, мы должны прыгать.

Молодой нукер покачал головой.

– Слишком далеко, я не хочу рисковать.

– Мы прыгнем! Снимите всю тяжелое, оставьте только мечи и за ним!

– Он прав, мы не допрыгнем, – раздался голос Шоргына.

– Мы допрыгнем, надо просто разбежаться.

Нукеры растерянно посмотрели друг на друга.

– Арзар, подумай сам, ему некуда бежать, мы обойдем...

– Нет, к тому времени он будет уже далеко.

– Мы обнаружим его по следам.

– Это будет труднее, чем до сих пор, – Арзар сощурил глаза, – это наш шанс.

Они отошли назад.

– Готовы?! Вперед!

Группа со всей силы побежала вперед. Арзар оттолкнулся от края обрыва и, перелетев яму, упал на обратной стороне. Через долю секунды рядом с ним приземлился Шоргын. А вот другим повезло меньше. Бежавший вторым нукер сорвался вниз. Арзар обернулся, на той стороне стоял бледный как мел Ханияр.

– Прыгай!

– Я не буду прыгать.

Арзар оскалился.

– Тогда молись богам, ибо я отрублю тебе голову за измену!

Нукер некоторое время молчал, а потом, развернувшись, направился в другую сторону. Арзар плюнул и продолжил преследование.

Еламан почувствовал, что ему нужно отдышаться. Во всем теле он ощущал слабость, он присел у камня. Он утешал себя мыслью, что, возможно, Арзар не прыгнул, что, скорее всего, они так и остались на той стороне обрыва.

Что же ему следовало сделать?

Он хотел пить, нужно было найти ближайший родник, а потом спуститься вниз, в надежде найти хоть что-то, что могло ему помочь. Теперь он понимал, как безнадежна была его идея побега. Как непродуман был его план, он был обречен на провал. Но одно утешало его, он убил Бортала, – человека, разрушившего его жизнь.

Еламан сжал рукоятку отцовского меча. Он вернул то, что принадлежало его семье. Если враг приблизится сейчас к нему, то он примет бой.

Еламан снял со спины свой самодельный лук. Этот был прочнее первого, хотя он все еще сомневался в его надежности. Он надеялся поохотиться на мелких животных, еда должна была прибавить сил.

На короткий миг Еламану показалось, что ему все удалось. Что он сумел убежать, оставив всех преследователей глотать пыль далеко позади. Но вскоре он услышал приближающийся шум. Нет, им удалось прыгнуть вслед за ним! Еламан вскочил, от растерянности он не знал, что ему делать.

Он приподнялся и взгляделся вдаль, – их было двое.

Арзар бежал настолько быстро, насколько мог, но силы

подвели его. Он остановился, чтобы выровнять дыхание. Шоргын обошел его и теперь бежал впереди.

Никого не было, и Арзара постепенно охватила паника, они слишком медленно решались на прыжок, убийце его отца, удалось уйти. Арзар злился на самого себя, – если бы он не выкинул тот злосчастный лук!

Чем дальше они бежали, тем большая паника овладевала Арзаром.

Он упустил!

Потерял столько людей и упустил одного раба!

Ему хотелось кричать от злости.

Если он не найдет выход прямо сейчас, то навсегда потеряет уважение в глазах у всего рода. Ему нужна была кровь этого беглеца, он должен был его схватить.

Шоргын остановился.

– Он рядом? – спросил Арзар.

– По-моему – да.

Арзар поднялся и вынул меч из ножен.

– Я не могу вернуться без него.

Шоргын кивнул.

– Согласен, после такой погони было бы безумием все бросить.

Арзар почувствовал облегчение, Шоргын, похоже, не собирался его оставлять и его шансы были еще достаточно велики. Они двинулись вперед, но не успели пройти достаточное расстояние, как увидели свою цель.

– Вон он! – Арзар ткнул острием сабли вперед.

Еламан вскинул лук и выстрелил в первого преследователя. Стрела попала в горло Шоргына, тот ухнув, упал на колени и попытался вынуть ее. Арзар не остановился, перед глазами у него все плыло, теперь цель была близка.

Еламан достал вторую стрелу и попытался выстрелить, но конструкция лука не выдержала и развалилась. Арзар уже подбегал к нему вплотную, когда Еламан выхватил меч и напрыгся. За те годы, которые он провел в плену, он успел изучить практически все приемы боя на мечях, которыми овладели дети Бортала. Отрабатывая на нем свои удары, они, сами того не осознавая, раскрывали свои слабые стороны.

Они сверлили друг друга взглядом.

Одно неверное движение и один из них навсегда останется лежать на каменной земле...

Глава 5

– Я сам тут всего полгода работаю, но ничего, уже привык.

Максат посмотрел на говорившего: это был невысокий, плотный мужчина средних лет. На висках кое-где уже пробивалась ранняя седина, а на переносицу были натянуты немного старомодные очки.

Этого человека звали Тимуром, и Максат знал его всего два дня. С тех пор как он приступил к работе, у него было не так уж много времени для знакомства с новыми коллегами, впрочем, с Тимуром он разговаривал достаточно часто, так как тот частично руководил его работой.

– А вон тот, высокий, это кто? – спросил Максат.

Тимур посмотрел на фотографию, на которую глядел Максат. На ней работники отдела с довольно веселыми лицами стояли в холле какого-то ресторана.

– Это Ильдар, он из техников, они периодически сюда приезжают, а так, за городом работают. Да его и не часто видно.

– А вот, рядом с ним, женщина?

– Это Ульяна Владимировна, главный бухгалтер, ты разве не видел? Она этажом ниже работает.

Максат покачал головой.

– Не, я же говорю, я пока не освоился. Знаю тебя и этого британца, Джона.

– Он американец, – безразлично ответил Тимур.

– Кстати, – Максат вновь кивнул в сторону фотографии, – а что это их тут нет?

– В смысле иностранцев что ли? – Тимур озадачено посмотрел на Максата, – так они с нами почти никогда не гуляют. Только если кто из начальства заглянет. Но ты не думай, техники вон, довольно тесно с ними общаются. Это как уж получится, ты тоже по работе часто будешь переводить.

Максат задумчиво потер подбородок.

– Что-то пока только с бумагами работаю.

– Это потому, что сейчас работы много. Тут сейчас у всех дел прибавилось, проверяют, а Нинка как назло в декретный ушла, хорошо хоть Аскар насчет тебя сказал.

– Понятно, – кивнул Максат.

Тимур тем временем посмотрел на часы.

– Ладно, ты пока документацию до конца допиши, а мне надо в бухгалтерию, чем-то у них там проблема какая-то, Джон из-за этого с утра весь на нервах ходит.

– Хорошо, – согласился Максат.

Как только Тимур вышел из кабинета, Максат встал и пошел к окну. Работа его не слишком вдохновляла, он не любил возиться с документами. Ему пришла в голову мысль, что надо бы намекнуть Тимуру, чтобы он послал его к технарям. А еще Джон периодически ездил на вахту к буровым вышкам в поле и вместе с ним ездили и переводчики, хотя это немного удивляло Максата, так как практически все,

с кем он пока успел тут познакомиться, отлично разговаривали на английском. Хотя это могло быть просто закрепившейся практикой.

Максат вновь сел за стол и посмотрел на фотографию. Судя по рассказу Тимура, половина из тех, кто был на ней запечатлен, тут уже не работала.

«Интересно, что-то довольно быстро у них тут сменяются кадры», – подумал Максат. Хотя и сам он не был намерен задерживаться тут надолго. Ему было интересно изучать работу компании, он планировал обойти все главные рабочие места, начиная от бухгалтерии и заканчивая буровой вышкой, а потом уйти отсюда. Может он даже посвятит отдельную статью работе простых нефтяников.

Он вернулся к работе и принялся методично переводить текст, из-за большого количества технических терминов работа поначалу шла медленно, но постепенно он приноворился достаточно быстро с ней справляться.

В этот момент дверь открылась и в комнату вошла Эльнара. Максат кивнул ей. Вместе с ним и Тимуром она состояла тут в штате переводчиков и занималась в основном переводом отчетов.

– Я за документацией, – проговорила она.

– А я уже скинул тебе на почту, – ответил Максат.

– Да? Хорошо, тогда я еще попозже зайду насчет остального текста.

– Ага, – кивнул Максат.

Она направилась к выходу, но потом, подумав, остановилась. И опять повернулась к Максату.

– Как работа? Привык уже?

Максат пожал плечами.

– Ну, так, пока еще не совсем, но привыкаю.

– Это ничего, тут первое время трудно немного разобраться, но потом будет легче, – она улыбнулась.

Максат, немного подумав, спросил:

– А ты давно тут работаешь?

– Уже где-то год, но тоже еще до конца не могу ко всему привыкнуть. И с иностранцами иногда бывает сложно работать.

– Ладно, посмотрим, – Максат махнул рукой, – может, меня даже не возьмут сюда на работу, ну, или сам передумаю.

Эльнара изучающее посмотрела на Максата.

– Да ты не думай, тебя обязательно возьмут, Тимур уже о тебе так хорошо отзывался и Джон вроде непротив. А переводчики тут всегда нужны и лишних не бывает. Так что тут проблем не будет, только если ты сам не захочешь уйти.

– Пока таких мыслей не было, – ответил Максат.

– И не будет, – утвердительно кивнула Эльнара, – коллектив у нас очень дружный, тебе тут понравится, вот увидишь.

Она посмотрела на часы.

– Ладно, я побегу, а попозже, может, снова зайду.

После того как она ушла, Максат вскипятил себе кофе и попивая его из кружки, довел до конца перевод совершенно

бессмысленного текста. Работа казалась ему скучной и бесполезной, и он твердо решил найти Тимура и убедить того отправить его в следующий раз сопровождать Джона в его поездке к вышкам. А может, его и без Джона отправят туда, если он сам вызовется.

Максат дописал перевод и под предлогом сдачи работы принялся искать Тимура. Он быстро нашел его в бухгалтерии, где тот что-то печатал на компьютере.

– Вот, я перевел, – сказал Максат.

Тимур на это лишь слегка кивнул.

– Отлично, можешь пока отдохнуть, до конца рабочего дня немного осталось.

Максат немного подумав, решил все же не тянуть время и прямо завел разговор о своем желании проехаться к вышкам. Тимур был немного удивлен услышанным, он даже оторвал свой взор от экрана монитора и немигающим взглядом посмотрел на Максата.

– Надо сказать, это необычно, – ответил он, – обычно у нас не любят ездить к вышкам, этой работой занимаются отдельные переводчики, у них и зарплата выше, а мы же занимаемся только бумагами. Но... если у тебя такое сильное желание, то я могу попытаться перевести тебя к ним в отдел. Ты согласен?

Максат кивнул.

– Ага, было бы здорово, я думаю.

Тимур вновь повернулся к экрану компьютера.

– Сейчас я закончу работать и можем даже сегодня переговорить с Джоном, если он еще тут и не уехал.

– А у него что, свободный график?

– Что-то типа того, он же здесь главный.

Остаток рабочего дня Максат провел в кабинете. Опасения Тимура оправдались, и Джона на работе уже, действительно, не было, зато теперь Максат уже был точно уверен, что сюда он устроился не зря. Все-таки он сможет более-менее детально вникнуть в суть работы, которая, так или иначе, кормит всю страну.

После того как рабочий день официально подошел к концу, он решил заехать в центральный универмаг, – тот работал до самого вечера. Максат неторопливо сел за руль автомобиля, за эти дни он уже успел привыкнуть к машине и поездки по городу приносили ему большое удовольствие.

Главный торговый дом города находился, как и положено, в самом центре города, посредине огромного количества многоэтажек, центрального стадиона и даже маленького сквера, который огибал его с восточной стороны.

Максат вырулил на стоянку для автомобилей. Ему вспомнилось, как когда-то давно он с друзьями гулял по ночам в этом районе, на то он и центр города. А здесь на этой стоянке его чуть не убили, когда он ввязался в драку и кто-то из нападавших ударил его кастетом. Максат усмехнулся, в конечном счете, это было так давно, что казалось ему какими-то посторонними событиями в его жизни.

Но вот удивительное дело, как ни пытался Максат вспомнить свои мысли, чувства и понять, что толкало его на те или иные действия в прошлом, он натыкался на глухую стену. Он помнил лишь себя, и то, все эти воспоминания принимали в его памяти вид со стороны.

Был ли это действительно он?

Максат остановился в углу стоянки. Он всегда предпочитал ставить машину в неприметном месте, так было спокойнее, и к тому же такая парковка никому не мешала.

Он заглушил мотор и вышел. Было достаточно тепло, к тому же дул приятный, прохладный ветерок. Максат зашагал к лестнице.

Он не собирался покупать ничего конкретного, просто хотел посмотреть, как изменилась жизнь в городе. Да и в любом случае больше ему было нечем заняться, а сидеть весь вечер дома ему тоже не хотелось.

У лестницы стояли рекламные распространители, эти молодые юноши и девушки буквально совали вам в руки рекламные буклеты, предлагающие посетить такой-то бутик, или сходить в такое-то кафе. Максат равнодушно прошел мимо них, внезапно прямо перед ним появился немолодой мужчина в очках, он просунул ему в руки нечто виде журнала. Не останавливаясь, Максат механическим движением взял брошюру и продолжил подниматься вверх. Поначалу его несколько удивил возраст этого человека, которого он принял за еще одного распространителя, но стоило Макса-

ту взглянуть на взятый им лист, как он понял, что ошибся. В руках он держал нечто вроде периодики около-религиозной тематики.

«Ну вот, очередная секта», – подумал он.

Он прошел внутрь универмага и огляделся. На первом этаже по традиционной схеме находились мелкие бутики с электроникой, сотовыми принадлежностями и бытовой техникой. Уровнем ниже, в подвальном помещении, находился супермаркет, а на верхних этажах все остальное (начиная от одежды и заканчивая часами).

Максат равнодушно ходил мимо бутиков, периодически останавливаясь, чтобы изучить какой-либо заинтересовавший его товар. У него даже возникла мысль купить новые часы, но ни фирма, ни внешний вид не вызывали доверия и он от этой идеи отказался. В конце концов, он заглянул в книжный отдел и купил там несколько произведений любимых авторов, телевизор он по вечерам не смотрел, а занять себя чем-то было нужно.

Наконец, на втором этаже он решил немного посидеть в кафе, – заказал себе кофе и присел за свободный столик.

Максат внимательно изучал посетителей торгового дома. Люди разных возрастов и социального положения, и все же, было то, что их объединяло. Желание ходить по магазинам? Максат улыбнулся своим мыслям, а почему бы и нет? В конечном счете, мы живем в обществе потребления. Сейчас никто просто уже не может представить обыденную жизнь

без обилия товаров на прилавках, без широкого ассортимента продуктов питания. И не обязательно мы будем покупать их все, но мы нуждаемся в том, чтобы они были.

«Общество потребления», – Максат вспомнил это словосочетание. Вот уж никогда он и не думал, что сумеет правильно понять этот чисто американский термин, но теперь понял. Бессмысленность подобного образа жизни была столь очевидна, что удивление вызывала скорее та покорность, с которой люди принимали его.

Максат взглянул на брошюру, которую ему дал религиозный адепт.

Ничего особенного, журнал как журнал, статьи, немного цитат из Библии и какие-то незамысловатые выводы на последней странице. Максат разочарованно пролистал журнал, пытаясь найти хоть что-то интересное. «Интересным» в его понимание было то, как приверженцы этой секты преподносили свое учение, и вообще, что они проповедовали.

Внезапно у него зазвонил телефон. Максат судорожно хлопал по карманам брюк, пока не нащупал трубку. Еще несколько секунд у него заняло, чтобы вытащить ее, но к тому времени телефон замолк. Максат посмотрел на номер, – звонил Аскар.

Это было несколько странным, но Максат решил что тот, возможно, хотел поинтересоваться работой. Максат перезвонил ему. В трубке слышались характерные гудки, а потом голос оператора сообщил, что «абонент временно недо-

ступен».

Максат нахмурился. Последнее обстоятельство и вовсе никак не укладывалось в его голове. Если Аскар сам звонил, то почему он не брал трубку? Более того, зачем-то выключил телефон. Максат решил заехать к нему, и узнать, что случилось.

Допив кофе, Максат встал. Наверное, следовало поехать домой, хотя там тоже было нечего делать. Он заранее предупредил Маржан-апу, чтобы его к ужину специально не ждали, поэтому можно было не торопиться.

И все же он не знал чем занять себя, такая вольность в действиях была для него непривычна. Теперь он был полностью предоставлен себе и в своих действиях отвечал только перед самим собой. И все же, несмотря на то, что он не мог придумать чем занять себя, его не оставляло чувство того, что он бездельничает.

В тот самый момент, когда он стоял у лестницы, опершись о перила, его окликнули. Максат обернулся и увидел знакомое лицо, которое, улыбаясь, шагало к нему. В нем Максат без сомнений узнал своего бывшего сокурсника Радика Терехина.

– А я смотрю и думаю, ты ли это?! – проговорил подошедший парень.

Они по-дружески обнялись и Максат, все еще немного удивленный, воскликнул: – Ну вот, а говорили, будто ты насовсем уехал.

– Я... вроде бы как действительно уезжал, да и вернулся сюда, скорее, по работе, но ведь и ты, насколько я знаю, живешь сейчас в Астане?

Максат кивнул.

– Да, я тоже тут по работе, статью пишу.

– Вот как? Я, кстати, читал твои работы, хорошо пишешь.

– Да ты сам также писал, – заметил Максат, припомнив приятелю учебу на журналиста.

– Писал, – подтвердил тот, – да только давно это было, я уже не занимаюсь этим.

Максат между тем продолжал.

– И все-таки зря ты это дело бросил, у тебя талант был. Хотя почему это был, и сейчас есть, только тебе надо его использовать по назначению.

Радик возмущенно махнул рукой.

– Да я сам не горю желанием, меня моя работа устраивает.

Они начали спускаться по лестнице вниз.

– А ты сейчас где работаешь?

– Консультирую, у нас фирма крупная, напрямую с Америкой работает. Многие через нас оформляют сейчас товары, и филиалы почти во всех городах. Вот и тут недавно открылись, я как раз приехал с лекцией.

Максат внимательно оглядел Радика, меньше всего он напоминал ему человека, который читал бы лекции о торговле перед аудиторией.

– Удивлен? – уловил его взгляд Радик.

– Ага, не то слово.

– Да я и сам от себя такого не ожидал, ну то было раньше, сейчас даже уже привык. А ты о чем пишешь статью?

Максат неопределенно мотнул головой.

– Да так, о том, о сем, хотел о разработках нефти, об инвестициях в экономику и успехах страны, а сейчас вот как-то немного передумал.

– А что так?

– Да как-то больно постно у меня это получается, вроде материал есть, и статья вырисовывается да сухо все, безжизненно.

Радик кивнул.

– Это бывает, да только не понимаю я тебя, чего это только о плюсах писать, это же даже не интересно. Вот написал бы, как у нас тендеры проводятся, вот тут тебе будет живость и интерес и не будет сухости.

– Статья для британского журнала, а им не будут интересны наши проблемы, это раз, и два, что-то не хочется писать о минусах отечества в иностранное издание.

– Тогда, действительно, незадача.

Они вышли на улицу.

– А ты где остановился? – спросил Максат.

Радик махнул рукой на многоэтажное здание еще советской постройки, стоявшее недалеко от торгового дома.

– Не скажу, что такое уж прям хорошее место.

Лицо Радика помрачнело.

– Да знаю я, а что самое обидное, оплачивает мне все фирма и им по барабану, в каких апартаментах я остановлюсь.

– А зачем тогда?

– Мест не было, – Радик вздохнул, – представляешь? В этом городе всего две приличные гостиницы и обе были заняты. Вернее, занята была одна, а во второй еще были места, но их отдали какой-то китайской делегации.

– Забронировали, наверное, тебе тоже надо было заранее.

– Да я не подумал, – с досадой проговорил он, – да и не бронировали они. Я только начал оформлять номер как подошли эти... и представь мою злость, когда извинившись передо мной, номера отдали им! Этот проклятый совковый менталитет!

Максат поначалу не понял хода мыслей собеседника.

– В смысле «совковый»?

– Какое-то чувство вины перед иностранцами. Я, как гражданин, по идее должен иметь больше прав, находясь у себя в стране. Уверен, если бы я приехал куда-нибудь в Шанхай и там, в гостинице встал бы выбор, кому давать номер – мне или их соотечественнику, они бы дали номер своему. У нас же не так. Вот это меня и раздражает в наших людях.

– Преклонение?

– Нет же, – самобичевание. Это наше «нет героев в родном отечестве» и вечное ворчание по поводу вторых ролей, все это уже превратилось в нашу гордость. Как будто мы востор-

гаемся этой, выдуманной нами же самими – ущербностью. И это преклонение перед иностранным, презрение ко всему родному, все это сродни болезни, охватившей нас от низовья до самых верхов. И хоть мы никогда себе в этом не признаемся, но тем самым мы принижаем себя, принимаем на себя роль «обиженного, но гордого».

Максат молчал, в душе он был согласен с товарищем, но не мог произнести свои мысли вслух. Он сам давно замечал эту особенность общества, в котором он жил, но что ужасало его более, порой он воспринимал это как должное и принимал как само собой разумеющееся.

– Мне кажется, этот скептицизм присущ всем людям, – наконец произнес Максат.

– Оно, конечно, так, но только у нас этот скепсис врос в нашу ментальность.

Они вышли во двор автостоянки и Максат направился к машине, Радик шел рядом и продолжал говорить:

– А еще презрение, это тоже меня пугает. Современный человек презирает все, как будто в этом презрении он черпает какую-то потаенную силу. Для современного человека перестало существовать компромиссов, все должно покориться ему, либо исчезнуть вовсе. И точно так же он воспринимает жизнь, как материал для покорения. И я даже не могу представить себе, как это могло с нами случиться, как все эти перемены затронули нас.

– Я же говорил, в тебе действительно пропадает талант

литератора, из тебя мог получиться хороший журналист. Я даже легко могу представить тебя в редакторском кресле.

Радик засмеялся.

– Нет Максат, это не для меня, я уже говорил. Если я и возьмусь за писательский труд снова, то только к старости, для написания мемуаров. И то, если доживу.

– Искренне жаль, – Максат покачал головой, – а я напротив, нахожу внутреннее спокойствие за работой. Вот и сюда приехал, только ради статьи.

– Это за тобой чувствовали и в университете, – задумчиво проговорил Радик, – всегда было ощущение что кто-кто, а уж ты точно будешь журналистом. Потому что это твое, тебя даже представить по-другому нельзя.

– Я и сам себя по-другому не представляю.

Радик тем временем полез в карман и вынул оттуда бумажник. Он перебрал бумаги, а затем вынул оттуда небольшой белый прямоугольник.

– Вот моя визитка, я читаю лекции почти всю эту неделю, приходи, послушай. Может, ты тоже запишешься, кто знает, – он подмигнул.

Максат глянул на визитку, на белом фоне выделялись крупные черные буквы «LeeWay», а затем шли данные Радика, и его телефоны, должность же его была обозначена как-то странно «Куратор». Максат положил визитку в карман.

Они попрощались, и как только спина Радика скрылась за углом, Максат повернулся к машине и, открыв дверь, сел

в салон.

В прошлый раз, когда он заезжал к Аскару, получилось, что он приехал с пустыми руками, в этот раз он решил исправить ошибку. По дороге он заехал в супермаркет и купил там бутылку хорошего коньяка, а затем немного продуктов домой (Маржан-апа просила его об этом еще утром). Погруженный в свои мысли, Максат не спеша ехал по дороге к дому Аскара.

В прошлый раз ему показалась немного странной обстановка у того в доме. Создавалось ощущение того, что хозяин дома практически не живет там. Ну да, Балтабай говорил, что у Аскара есть еще и квартира в городе, но по его словам, он ею не пользуется и она простаивает.

К тому же у Максата из головы не выходил звонок Аскара на его мобильный телефон. Если он хотел о чем-то поговорить с Максатом, то зачем выключил затем телефон? Все это было так странно, что у Максата не было даже догадок на этот счет.

Этим мыслями он был занят, пока ехал к Аскару. Вскоре после того, как он свернул на второстепенную трассу, ведущую за город, рядом с ним поравнялся черный катафалк, следом ехала колонна машин.

«Похоронная процессия», – догадался Максат и немного сбавил скорость, пропуская их, тем более что впереди стоял знак, ограничивающий скорость до 40. По всей видимости, они возвращались с похорон. Через некоторое время они

вновь поравнялись, уже на перекрестке. Максат остановился и равнодушно посмотрел вперед. Остановка не предвещала ничего хорошего, светофор был выключен и впереди стоял регулировщик, который никому не давал тронуться с места.

Максат с безразличным видом принялся ждать главного «виновника» такой остановки и вскоре тот появился, по прилегающей дороге проехал кортеж машин с характерными для данной ситуации номерами. Они пронеслись на достаточно большой скорости, так что даже Максат не взялся бы ее определить.

На секунду Максату подумалось, каково это, находиться в такой машине. Ведь когда ты всю время проносишься мимо людей на большой скорости, то ты никогда не сможешь увидеть их лиц. Тогда ты никогда не сможешь понять их жизнь, а ведь именно это и было сутью работы тех, кто сидел в этих машинах. Но почему тогда те, кто придумывает законы и следит за тем, чтобы люди соблюдали их, сами перекрывают дороги и нарушают ограничения скорости? Впрочем, все это было такой банальностью, что Максат достаточно скоро отбросил эти мысли.

Через некоторое время последняя машина из кортежа пронеслась мимо него и Максат с удивлением узнал в ней тот джип, что чуть было не протаранил их с Балтабаем два дня назад. Стекла были тонированы, но Максат как будто физически ощутил того, кто сидел в салоне. И ему даже показалось, что этот человек мельком посмотрел в его сторону.

Прошло еще около минуты, прежде чем регулировщик смог восстановить движение и похоронная колонна, а вместе с нею и Максат, тронулись с места.

Следующую часть пути он проехал без происшествий и вскоре уже остановился у дома Аскара. Все было как в тот день, когда они приехали сюда с Балтабаем, тот же пустующий дом, густая трава вокруг забора и тишина. Только в этот раз собака залаяла сразу.

Максат позвонил в домофон, но ответа не было. Максат простоял еще несколько минут, периодически нажимая кнопку вызова.

«Может, электричества нет?» подумал он, и начал стучать в калитку. Собака тут смолкла, как будто испугалась чего-то. Постучав еще какое-то время, Максат решил уходить и напоследок слегка толкнул калитку, та бесшумно отворилась.

Он заглянул во двор, все было таким же, только собака забила в дальний угол и лаяла оттуда. Максат посмотрел на дом и заметил, что дверь слегка приоткрыта. Он тут же почувствовал, что что-то произошло.

Не теряя ни секунды, он забежал в дом и огляделся.

Максат не сразу понял, что произошло, но когда он зашел в гостиную, то обнаружил, что вся мебель была сдвинута, ящики из шкафов выдвинуты, а вещи были раскиданы по полу.

Осторожно переступая, Максат направился в дальнюю комнату, где находился кабинет Аскара. Он почти не уди-

вился, обнаружив, что здесь царил еще больший беспорядок. Все было буквально перерыто, а вещи валялись на полу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.